

Цена 6 коп.

Индекс 70666

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ ПО ФИЗКУЛЬТУРЕ И СПОРТУ

издательства «Физкультура и спорт»

АБЕЛЬСОН С. Эксплуатация, хранение и ремонт спортивного инвентаря и оборудования. 1960. 239 стр. Цена 53 коп.

АСЛЕЗОВ А. Штурм голубого континента. 1961. 80 стр. Цена 12 коп.

АСТРАХАНЦЕВ В. Хэнней с мячом. В вопросах и ответах. 1958. 76 стр. Цена 12 коп.

БЕРЗИН А. Горы зовут. Изд. 2-е, доп. и перераб. 1958. 72 стр. Цена 11 коп.

Буюрный спорт: Правила соревнований. Утверждены Центральным советом Союза спортивных обществ и организаций СССР. 1961. 47 стр. Цена 6 коп.

БУТОВИЧ Н. Как научиться плавать. Изд. 2-е, испр. и доп. 1959. 62 стр. Цена 10 коп.

Водно-морской спорт. Программа для спортивных секций коллективов физкультуры и спортивных клубов. 1960. 47 стр. Цена 6 коп.

ГОРБУНОВА Н., ПТАШНИКОВА И. Рождение мечты. 1961. 102 стр. Цена 16 коп.

Гребля на байдарках и каноэ. Правила соревнований. 1962. 63 стр. Цена 8 коп.

ДЕВРИН И. Охота на копытных животных. 1957. 94 стр. Цена 15 коп.

КОЧЕТКОВ Н. В лесном домике. Рассказы. 1958. 96 стр. Цена 19 коп.

КУВЫШКИН В., ПЛОТКИН А. Обгоняя время. 1959. 141 стр. Цена 23 коп.

КУЛЕШОВ А. Заметки спортивного журналиста. 1960. 256 стр. Цена 50 коп.

ПРЕДЫБАЙЛО А. Край лесов, озер и рек. 1960. 56 стр. Цена 9 коп.

РАЙКИ БЕЛА. Техника спортивного плавания. Перевод с венгерского. 1957. 88 стр. Цена 1 р. 08 к.

Требуйте эти книги в магазинах книготорга и потребительской кооперации.

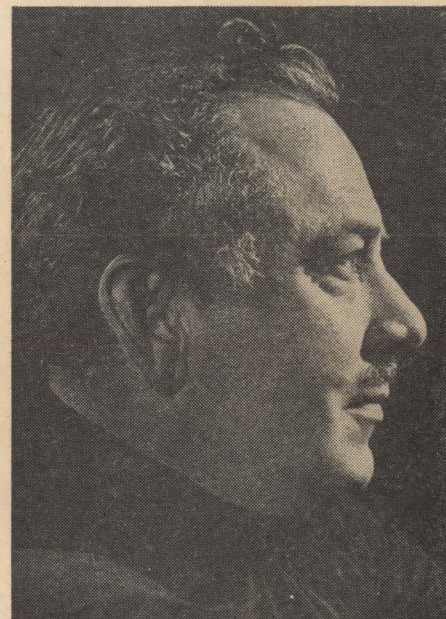
«СОЮЗКНИГА»

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 11

1963

Джон СТЕЙНБЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

УШИ ДЖОННИ МЕДВЕДЯ

Джон СТЕЙНБЕК

УШИ ДЖОННИ МЕДВЕДЯ

*Перевод с английского
Дмитрия Жукова*

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1963

Джон СТЕЙНБЕК

Джон Эрнст Стейнбек, один из крупнейших современных американских писателей, родился 27 февраля 1902 года. Детство провел в Калифорнии, учился в Стэнфордском университете. Там, в университетских журналах, печатались его первые стихи и рассказы.

Советскому читателю хорошо известны лучшие произведения Стейнбека. Это прежде всего роман «Гроздь гнева» (1939), рассказывающий о классовой борьбе разоренных кризисом фермеров, книга, о которой в реакционных кругах США говорили, что она «страшнее динамита». В русских переводах печатались также повести «Луна зашла» (1942) и «Жемчужина» (1947), роман «Зима тревоги нашей» (1961), путевые заметки «В поисках Америки» (журнал «Звезда» № 4 за 1962 год) и некоторые статьи и новеллы.

СТАРШИЙ И МЛАДШИЙ

I

На улицах маленького калифорнийского городка было уже темно, когда двое мужчин вышли из закусочной и уверенно зашагали по закоулкам. Возле консервных заводов стоял тяжелый, сладковатый запах забродивших фруктов. У перекрестков ветер раскачивал в вышине голубоватые дуговые фонари, отчего тени телефонных проводов металась по земле. Старые деревянные дома были безмолвны и безжизненны. В их грязных окнах уныло отражались уличные огни.

Мужчины были примерно одного роста, но один был много старше другого. Оба были коротко острижены, оба носили синие рабочие брюки. На старшем была куртка, на младшем — синий свитер с высоким воротом. Они мерно шагали по темной улице, и деревянные дома откликались эхом на их шаги. Младший стал насвистывать «Приходи ко мне, мой грустный бэби».

— Проклятый мотив никак не идет из головы. Преследует весь день. И ведь песня-то старая, — сказал он, резко оборвав мелодию.

Его спутник повернулся к нему.

— Ты боишься, Рут. Скажи откровенно. Ты чертовски боишься.

Они проходили под голубоватым уличным фонарем. Выражение лица у Рута стало упрямым, он сощурил глаза и плотно сжал губы.

— Нет, я не боюсь.

Они прошли освещенное место. Лицо Рута разгладилось.

— Жаль, что у меня мало опыта. Тебе уже приходилось бывать в переделках, Дик. Ты знаешь, чего ожидать. А мне никогда не приходилось.

— Чтобы научиться, надо попробовать, — нравоучительно изрек Дик. — Одни книжки ничему не научат по-настоящему.

Они пересекли железнодорожную линию. На блокпосте, торчавшем неподалеку, горели зеленые огоньки.

— Ужасно темно, — сказал Рут. — Интересно, взойдет ли луна. Обычно она всходит, когда такая темь. Ты будешь выступать первым, Дик?

— Нет, первым будешь говорить ты. У меня больше опыта, я буду наблюдать за ними, пока ты будешь говорить, и как только их что-нибудь заденет за живое, тут я на них и навалюсь. Ты знаешь, о чем надо говорить?

— Конечно. Все у меня в голове, каждое слово. Я написал свою речь и выучил наизусть. Я слышал, как ребята говорили: выйдешь вот так, а в голове ни одного слова, потом начнешь — и откуда только слова берутся: текут, как вода из крана. Длинный Майк Шин сказал, что с ним так случалось. Но я не хотел рисковать и все написал.

Мрачно прогудел паровоз, из-за поворота выскочил поезд, гоня перед собой по рельсам мощный сноп света. Грохотали ярко освещенные вагоны. Дик обернулся и проводил их взглядом.

— Немного народу едет,— сказал он с удовлетворением.— Не ты говорил, что твой старик работает на железной дороге?

Рут старался сдерживать раздражение.

— Да, он работает на железной дороге. Тормозным кондуктором. Он выгнал меня, когда узнал, чем я занимаюсь. Боялся потерять место. Он неосознательный. Я говорил с ним, но он ничего не понял. И тут же выгнал меня.

Голос у Рута был тоскливый. Он вдруг остро почувствовал, как томится одиночеством и скучает по дому.

— В этом-то и беда с ними,— продолжал он хриплым голосом.— Они ничего не хотят знать, кроме своей работы. Не видят, что делается вокруг. Крепко держатся за свои цепи.

— Запомни это! — сказал Дик.— Хорошо сказано. Есть это в твоей речи?

— Нет, но могу вставить, если тебе нравится.

Уличных фонарей становилось все меньше. Вдоль дороги росла белая акация. Город здесь незаметно переходил в деревню. У немощенной дороги стояло несколько домишек с загущенными садами.

— Господи, ну и темнота! — сказал Рут.— Сегодня мы вряд ли попадем в беду. В такую ночь легко смыться, если что случится.

Дик только фыркнул в воротник своей куртки. Некоторое время они шагали молча.

— Как ты думаешь, ты бы попробовал смыться, Дик? — спросил Рут.

— Нет, ни в каком случае. Нам не велено удирать. Что бы ни случилось, мы должны остаться. Ты еще просто ребенок. Ты, наверно, убежал бы, если бы я позволил!

Рут возмутился:

— Несколько раз побывал в переделках и уже нос задрал. Послушаешь тебя, так храбрее не было никого на свете.

— Во всяком случае, у меня поджилки не трясутся,— сказал Дик.

Рут опустил голову.

— Дик,— сказал он тихо,— а ты уверен, что не убежишь? Ты уверен, что сможешь остаться и вытерпеть все?

— Да, уверен. Мне уже пришлось испытать это. Разве мы не получили ясных указаний? Ну, и потом хорошая огласка тоже не помешает.— Он внимательно посмотрел на Рута.— А почему ты спрашиваешь, приятель? Заранее трусишь? Если так, тебе тут делать нечего.

Рут вздрогнул.

— Послушай, Дик. Ты хороший малый. Ты только никому не рассказывай, что я сейчас скажу тебе. Со мной такого еще не бывало. Почему мне знать, что я сделаю, если кто-нибудь ударит меня дубинкой по лицу? Да и кто вообще может сказать, что он сделает? Наверно, я не убегу. Постараюсь не убежать.

— Ладно, приятель. Будем считать, что ничего не было. Но если ты все-таки бросишься бежать, мы с тобой распрощаемся навеки. У нас не место для трусливых хлюпиков. Помни это, малыш.

— Хватит называть меня малышом! Мне неприятно.

Заросли акаций становились все гуще. Листья тихо шелестели на ветру. В одном из дворов, мимо которых проходили Рут и Дик, заворчала собака. В воздухе, глотая звезды, плыли клочья тумана.

— Ты уверен, что у тебя все готово?— спросил Дик.— Ты лампы достал? Литературу отнес? Все это было поручено тебе.

— Я все сделал еще днем,— сказал Рут.— Только плакатов не развесил, но они у меня там, в ящике.

— В лампах есть керосин?

— Много. Знаешь, Дик, мне кажется, что какая-нибудь сволочь донесла. Ты как думаешь?

— Вполне возможно. Всегда кто-нибудь доносит.

— Ну, а ты ничего не слышал об облаве?

— Откуда я, черт побери, мог слышать! Ты думаешь, они придут заранее и скажут, что собираются открутить мне котелок? Возьми себя в руки, Рут. Ты уже готов наложить полные штанишки. Кончай болтать, не то и я начну нервничать.

II

Они подошли к приземистому квадратному зданию, которое в темноте казалось черным и массивным. Деревянный тротуар гулко отзывался на каждый их шаг.

— Еще никого нет,— сказал Дик.— Давай войдем и зажжем свет.

Здание было заброшенной лавкой. Стекла ее витрин посеребрили от пыли и грязи. В одной красовался большой плакат, рекламирующий сигареты «Лаки страйк», в другой стояла похожая на призрак рослая картонная девица с бутылкой кока-колы в руке. Дик распахнул двухстворчатую дверь и вошел. Он чиркнул спичкой, зажег керосиновую лампу и пристроил ее на стоявший торчком ящик из-под яблок.

— Входи, Рут. Надо все подготовить.

Стены внутри были оштукатурены. В углу валялась пачка пыльных газет. Два задних окна были затянуты паутиной. Лавка была пуста, если не считать трех ящиков из-под яблок.

Рут подошел к одному из ящиков и вынул из него большой плакат. Это был портрет человека, нарисованный в резких, черных и красных, тонах. Рут прикрепил портрет к шершавой штукатурке позади лампы. Рядом он повесил другой плакат — большой красный символический знак на белом фоне. И, наконец, поставил торчком еще один ящик из-под яблок и положил на него кипу листовок и брошюр в бумажных обложках. На голом деревянном полу шаги его звучали гулко.

— Зажги вторую лампу, Дик! Здесь чертовски темно.

— Ты и темноты боишься, малыш?

— Нет. Скоро придут люди. Надо, чтобы было посветлее, когда они придут. Который час?

Дик взглянул на свои часы.

— Без четверти восемь. Часть людей должна вот-вот подойти.

Он засунул руки в карманы куртки и стоял у ящика с листовками в позе отдыхающего человека. Сидеть было не на чем. Черно-красный портрет строго смотрел со стены, к которой прислонился Рут.

Язычок пламени в одной из ламп потускнел и медленно погас. Дик склонился над лампой.

— Ты, кажется, говорил, что в лампах много керосина. Эта пустая.

— Мне показалось, что много. Вот погляди! Другая почти полная. Перельем немного керосина в эту.

— Как же это сделать? Придется погасить обе. У тебя есть спички?

Рут поискал в карманах.

— Всего две штуки.

— Ну вот! Придется проводить собрание при одной лампе. Надо было мне самому присмотреть за всем. Но я был занят в городе. Я думал, на тебя можно положиться.

— А мы быстро перельем немного керосина в эту жестянку, а потом выльем в другую лампу.

— Угу, и подожжем здание. Ну и помощничек!

Рут снова прислонился к стене.

— Скорей бы они приходили. Который час, Дик?

— Пять минут девятого.

— Так чего ж они задерживаются? Чего ждут? Ты говорил им, что надо прийти в восемь?

— Заткнись, малыш. Ты меня выведешь из себя. Я не знаю, почему они задерживаются. Может, празднуют труса. Ну помолчи хоть немного.— Он снова сунул руки в карманы куртки.— У тебя есть сигарета, Рут?

— Нет.

Было очень тихо. Где-то в центре города шумели автомобили, доносился рокот моторов и редкие гудки. В одном из ближних домов лениво лаяла собака. Порывистый ветер шелестел акациями.

— Эй, Дик! Ты слышишь голоса? Кажется, идут.

Они обернулись к выходу и стали напряженно прислушиваться.

— Я ничего не слышу. Тебе показалось.

Рут подошел к одному из грязных окон и посмотрел на улицу. Потом вернулся к пачке с листовками и аккуратно выровнял ее.

— Который час, Дик?

— Да успокойсь ты? Ты из меня тоже психа сделаешь. В этом деле нужна выдержка. Бога ради, покажи, что ты мужчина!

— Но я же в первый раз, Дик.

— Оно и видно...

Резкий порыв ветра с шумом пронесся по кронам акаций. Входная дверь щелкнула, одна из половинок медленно открылась, поскрипывая на петлях. Ворвался ветерок, зашелестел кучкой пыльных газет в углу и взметнул, как занавески, плакаты на стенах.

— Закрой дверь, Рут... Нет, оставь открытой. Так будет лучше слышно, если кто-нибудь подойдет.— Дик взглянул на часы.— Уже почти половина девятого.

— Ты думаешь, они придут? Сколько мы еще будем ждать, если они не явятся?

Старший посмотрел на открытую дверь.

— Мы уйдем отсюда не раньше половины десятого. Нам поручили провести это собрание во что бы то ни стало.

В открытую дверь теперь ясно были слышны ночные звуки: шуршание сухих листьев акации на дороге, размеренный

лай собаки. В тусклом свете керосиновой лампы черно-красный портрет на стене казался грозным. Нижний край его снова взметнулся в воздух. Дик оглянулся на портрет.

— Послушай, мальш,— сказал он тихо.— Я знаю, ты боишься. Если тебя одолевает страх, гляди на него.— Он показал пальцем на портрет.— Он не боялся. Ты только вспомни, что он сделал.

Юноша поглядел на портрет.

— Ты думаешь, он никогда не боялся?

— Если и боялся, то никто и никогда об этом не знал. Заруби это себе на носу и никогда не выкладывай всем свои переживания.

— Ты хороший человек, Дик. Не знаю, что я буду делать, когда меня пошлют одного.

— Все будет в порядке, малыш. В тебе есть хорошая закуска. Я знаю людей. Просто ты еще не был под огнем.

Рут быстро обернулся к двери.

— Послушай! Кто-то идет.

— Брось ты морочить себе голову! Когда придут, тогда придут.

— Давай закроем дверь. Вроде холодно стало. Постой-ка! Кто-то идет.

Кто-то быстро шел по дороге, потом побежал. Загремел деревянный тротуар. В комнату вбежал человек в комбинезоне. Он тяжело дышал.

— Ребята, вы лучше смывайтесь,— сказал он.— Там на вас облаву устраивают. Никто из ребят на собрание не придет. Они хотят, чтобы вам досталось, но это не по мне. Живо! Собирайте ваше барахло, и пошли. Те, что собрались вас бить, уже совсем близко.

Рут побледнел, лицо его напряглось. Он беспокойно поглядывал на Дика. Старший поежился. Он сунул руки в карманы и ссутулился.

— Спасибо,— сказал он.— Спасибо за то, что сказал. А сейчас беги. С нами ничего не случится.

— Ребята хотят, чтобы вам досталось,— повторил человек в комбинезоне.

Дик кивнул и, помолчав, сказал:

— Конечно, ведь они не думают о будущем. Не видят дальше своего носа. Беги сейчас же, пока тебя не поймали.

— Ну, а вы, ребята? Я помог бы тащить ваше барахло.

— Мы останемся,— упрямо сказал Дик.— Нам сказали, чтобы мы остались. Что будет, то будет.

Человек пошел к двери. Потом он вернулся.

- Хотите, я останусь с вами?
— Нет. Ты хороший парень. Оставаться тебе нет нужды. Мы воспользуемся твоей помощью в другой раз.
— Ну, я сделал все, что мог.

III

Дик и Рут слышали, как он побежал сначала по деревянному тротуару, потом по дороге. Шаги его заглохли, и снова остались только ночные звуки. Сухие листья с шелестом неслись по земле. В центре города ворчали моторы.

Рут взглянул на Дика. Он видел, как у того в карманах сжались кулаки. Мускулы на лице старшего окаменели, но он улыбался младшему. Плакаты пошелестели на ветру и снова прилипли к стене.

— Боишься, малыш?

Рут было ошетинился, но тут же признался:

— Да, боюсь. Может, я не выдержу этого.

— Держись, малыш! — горячо сказал Дик. — Держись! — И прочел, взяв с ящика листовку: — «Малодушным людям надо дать пример непоко... непоколебимости. Массы должны своими глазами увидеть несправедливость». Вот как, Рут. Таково поручение.

Он замолчал. Собака залаяла громче.

— Наверно, это они, — сказал Рут. — Как ты думаешь, они убьют нас?

— Нет, они не часто убивают.

— Но они будут бить нас, пинать ногами? Они будут бить по лицу палками, переломают кости. Длинному Майку они раздробили челюсть в трех местах.

— Держись, малыш! Ты только держись! И слушай меня. Если тебя кто-нибудь сшибет с ног, помни, что это не он виноват — виновато устройство общества, вся система. И не тебя он будет бить. Он будет пробовать свои кулаки на нашем великом учении. Ты будешь помнить это?

— Мне не хочется убегать, Дик. Честное слово, не хочется. Если я побегу, ты меня удержишь?

Дик подошел к Руту и положил ему руку на плечо.

— Ты выдержишь. Стойкий парень сразу виден.

— А не лучше ли нам спрятать литературу, чтобы они не сожгли ее?

— Нет. Кто-нибудь все-таки сунет книжку в карман и прочтет ее на досуге. Тогда это хоть пользу принесет. Оставь все на месте. А теперь молчи! От разговоров только хуже делается.

Лай собаки снова стал неторопливым и равнодушным. Сквозь открытую дверь было слышно, как порыв ветра погнал сухие листья. Портрет взметнулся и повис косо на одной кнопке. Рут подошел и приколот его снова. Где-то в городе звизгнули автомобильные тормоза.

— Ты что-нибудь слышишь, Дик? Они еще не идут?

— Нет.

— Послушай, Дик. Длинный Майк два дня пролежал со сломанной челюстью, прежде чем его нашли.

Старший сердито обернулся. Он вынул из кармана сжатый кулак и, сощурившись, посмотрел на младшего. Потом подошел к нему и положил руку на плечо.

— Слушай меня внимательно, малыш,— сказал он.— Я не много знаю, но я прошел уже через такие переделки. Говорю тебе наверняка. Когда это начнется... больно не будет. Я не знаю почему, но не будет. Если даже они убьют тебя, больно не будет.

Он подошел к двери, выглянул, посмотрел в обе стороны и прислушался.

— Что-нибудь слышно?

— Нет. Ничего.

— Почему... как ты думаешь, почему они медлят?

— Почему я знаю!

— Может, и не придут,— сказал Рут, сглотнув слюну.— Может, этот парень все наврал, пошутил просто.

— Может быть.

— Ну... а мы будем всю ночь дожидаться тут, чтобы нам свернули шею?

— Да! Мы будем всю ночь дожидаться тут! Чтобы нам свернули шею! — передразнил Дик.

После неистового порыва ветер вдруг стих. Перестала лаять собака. Поезд прогудел у переезда и прошел, громокая. Ночная тишина стала еще глубже. В соседнем доме зазвенел будильник.

— Кто-то идет на работу. В ночную смену, наверно.

В тишине голос его прозвучал очень громко. Дверь скрипнула от ветра и медленно закрылась.

— Который час, Дик?

— Четверть десятого.

— Всего-то? А я думал, уже скоро утро... Тебе не хочется, чтобы они уже пришли и все кончилось, Дик? Послушай, Дик! Мне показалось, что я слышал голоса.

Они стояли, не шевелясь, и прислушивались.

— Ты слышишь голоса, Дик?

— Да, как будто люди тихо переговариваются.

Снова залаяла собака, на этот раз остервенело. Донесся глухой гул голосов.

— Погляди, Дик! Кто-то, кажется, остановился у заднего окна.

Старший нервно усмехнулся.

— Это чтобы мы не могли убежать. Они окружают нас. Держись, малыш! Да, теперь они идут. Помни, что виноваты не они, а система.

Послышались торопливые шаги. Двери распахнулись, и сразу ввалилась толпа. Все были небрежно одеты, все в черных шляпах. В руках у многих дубинки, трости, обрезки труб. Дик и Рут выпрямились и высоко подняли головы. Но глаза их глядели в землю.

Громилы, казалось, были чем-то смущены. Они хмуро стояли полукругом возле старшего и младшего и ждали. Ждали, чтобы кто-нибудь из них пошевелился.

Младший скосил глаза и увидел, что старший смотрит на него строго, критически, словно оценивая его поведение. Рут сунул дрожащие руки в карманы. Он заставил себя сделать шаг вперед. От страха голос его сразу стал пронзительным.

— Товарищи,— закричал он,— вы такие же люди, как мы! Все мы братья...

Кто-то патрубком шмякнул его сбоку по голове. Рут упал на колени и уперся в пол руками.

Громилы стояли молча и смотрели.

Рут медленно встал на ноги. Из разбитого уха на шею стекала красная струйка. Левая сторона лица вспухла и побагровела. Он снова выпрямился, тяжело, порывисто дыша. Но руки больше не дрожали, и голос стал уверенным и сильным. Глаза лихорадочно горели.

— Разве вы не понимаете? — крикнул он.— Это все для вас! Мы это делаем ради вас. Вы не понимаете, что творите.

— Бей красных крыс!

Кто-то истерически хихикал. Толпа ринулась вперед. Падая, Рут увидел холодную упрямую улыбку на лице Дика.

IV

Несколько раз ему чудились голоса, но он никак не мог понять, чьи. Наконец он открыл глаза, сознание вернулось к нему. Лицо и голова были сплошь забинтованы. Сквозь распухшие веки он увидел узкую полоску света. Некоторое время он лежал, стараясь освоиться. Потом совсем рядом услышал голос Дика:

— Очнулся, малыш?

Рут попробовал заговорить, но из его горла вырвалось какое-то сипенье.

— Они здорово обработали тебе голову. Я уж подумал, что ты готов. А ты был прав, когда толковал насчет носа. Он у тебя будет не очень красивым.

— А что они сделали с тобой, Дик?

— Сломали руку и пару ребер. Вот тебе урок — надо стараться отворачиваться лицом к полу. Так берегаешь глаза. — Он замолчал и с трудом вздохнул. — Больно дышать, когда ребро сломано. Но нам повезло. Нас подобрали полицейские и доставили сюда.

— Мы в тюрьме, Дик?

— Да, в тюремной больнице.

— В чем нас обвиняют?

Он услышал, как Дик попытался засмеяться, но смех сразу сменился стоном.

— В подстрекательстве к мятежу. Получим по шесть месяцев. Полицейские нашли там литературу.

— Ты не скажешь им, что я несовершеннолетний, а, Дик?

— Нет, не скажу. Лучше помолчи. Голос у тебя звучит неважнецки. Отдыхай.

Рут лежал молча, весь словно завернутый в тупую боль. Немного погодя он снова заговорил:

— Дик, а ведь больно не было. Странно. Я чувствовал себя как на крыльях. Хорошо.

— Ты вел себя молодцом, малыш. Ты вел себя не хуже любого. Я расскажу о тебе в комитете. Ты вел себя просто прекрасно.

Рут пытался собраться с мыслями.

— Когда они сшибли меня, я хотел сказать, что я на них не в обиде.

— Верно, малыш. А я о чем говорил тебе? Это не они. Это система. Их не хочется ненавидеть. Просто они не знают ничего лучшего.

— Дик, ты помнишь, как говорится в библии? — Голос у Рута был сонный. — Что-то вроде «простите их, они не ведают, что творят»?

— Малыш, выкинь из головы эту религиозную чепуху, — сурово откликнулся Дик. И добавил отдельно: — «Религия — опиум для народа».

— Да, конечно, я знаю это, — сказал Рут. — Но я не о религии. Просто... у меня было такое чувство. Ну, точно такое чувство

ВИДЖИЛАНТ *

Волна возбуждения спала, постепенно прекратились толчея и крики, и в городском парке наступила тишина. Толпа все еще стояла под вязами; ее едва было видно в голубоватом свете уличных фонарей, горевших в двух кварталах от парка. Люди устали и притихли; некоторые незаметно выскальзывали из толпы и скрывались в темноте. Парковый газон был весь истоптан ногами.

Майк знал, что все кончено. Он чувствовал, как у него расслабляется каждый мускул. Его так вымотало, словно он не спал несколько ночей. Им овладела сонливость, он весь погрузился в какую-то неопределенную, но приятную истому. Майк натянул кепку почти на самые глаза и пошел прочь, но перед выходом из парка остановился и обернулся, чтобы бросить последний взгляд.

В середине толпы кто-то зажег скрученную газету и поднял ее вверх. Майку было видно, как пламя лизало серые ноги голого человека, висевшего на вязе. Он с удивлением подумал о том, что после смерти негры становятся почему-то голубовато-серыми. Горящая газета освещала задранные головы людей, молчаливых и сосредоточенных; они не отрывали глаз от повешенного.

Майка немного раздражало то, что там еще пытаются сжечь тело. И, обратившись к человеку, стоявшему неподалеку в темноте, он сказал:

— Вот это уж ни к чему.

Человек, не говоря ни слова, ушел.

Газетный факел погас, и привыкшим к свету глазам парк показался совсем черным. Но сразу же вспыхнула другая скрученная газета, ее поднесли к ногам повешенного. Майк подошел к другому человеку, наблюдавшему за толпой.

— Вот это уж ни к чему,— повторил он.— Негр ведь мертвый. Ему теперь все равно.

Человек кивнул, но, не отрываясь, продолжал смотреть на горящую бумагу.

— Славно сработано,— сказал он.— Это сбережет округу кучу денег, и ни один подлый адвокатишка теперь не сунет своего носа в это дело.

* «Виджилантами» («бдительными») называют себя члены реакционных организаций, создаваемых в США из жителей какой-нибудь местности якобы для «охраны порядка», а на деле для расправы с прогрессивными элементами.

— А я что говорю? — подхватил Майк. — Ни один подлый адвокатишка... Только жечь его ни к чему.

Человек продолжал смотреть на пламя.

— Но и вреда от этого тоже никакого нет, — сказал он.

Майк во все глаза смотрел на сцену у вяза. Чувства его притупились. Но он еще не насмогнулся. Здесь происходило нечто такое, что ему хотелось бы запомнить, но усталость, казалось, начисто приглушила остроту восприятия этой картины. Мозг говорил ему, что он присутствует при ужасном и важном событии, а глаза и чувства не соглашались с этим. Все уже казалось заурядным. Полчаса назад, когда он вопил вместе с толпой и дрался за право тянуть веревку, грудь его распирали такие ощущения, что он даже заплакал. А теперь все умерло, все стало призрачным; темная толпа превратилась в сборище каких-то неуклюжих манекенов. При свете бумажного факела лица были невыразительны, словно деревянные. Майк ощущал в себе какую-то скованность, словно и сам он стал чем-то нереальным. Наконец он повернулся и ушел из парка.

Как только толпа исчезла из виду, ему стало тоскливо и одиноко. Он быстро шагнул по улице, жалея, что никого нет рядом. Широкая улица была пустынна и выглядела так же призрачно, как и парк.

Стальные рельсы трамвая уходили вдаль, поблескивая при свете уличных фонарей, их круглые стеклянные абажуры отражались в темных витринах магазинов.

Стала давать себя знать легкая боль в груди. Он пощупал грудь — мускулы болели. Тогда он вспомнил. Он был во главе толпы, когда она ринулась на закрытую дверь тюрьмы. Человек сорок навалилось сзади на Майка, им ударили о дверь, словно тараном. В ту минуту он ничего не почувствовал, и даже теперь боль была тупой, — казалось, что это от тоски.

В двух кварталах впереди над тротуаром горело неоновое слово «Пиво». Майк заторопился туда. Он надеялся, что там будут люди. За разговором пройдет тоскливое чувство. Он рассчитывал, что там будут люди, которые не принимали участия в линчевании.

В маленьком баре был только буфетчик, невысокий человек средних лет с меланхолически обвисшими усами; он был похож на старую мышь, мудрую, неопрятную и испуганную.

Буфетчик кивнул Майку.

— У вас такой вид, будто вы спите на ходу, — сказал он.

Майк посмотрел на него с удивлением.

— У меня действительно такое чувство, будто я сплю на ходу.

— Ну, я могу налить стаканчик, если желаете.

Майк колебался.

— Нет... У меня вроде пересохло в глотке. Налейте лучше пива. Вы там были?

Маленький человек снова кивнул своей мышинной головкой.

— К шапочному разбору пришел: негра уже повесили, и все было кончено. Я подумал, что многим ребятам захочется выпить, так что пришлось вернуться и открыть бар. До сих пор никого, кроме вас, не было. Наверно, я ошибся.

— Они могут прийти позже,— сказал Майк.— В парке еще много народу. Правда, они уже поостыли. Некоторые пытаются поджечь его газетами. Это ни к чему.

— Совсем ни к чему,— согласился маленький буфетчик. Он дернул себя за тонкий ус.

Майк вытряхнул несколько крупинок соли в пиво и припал к кружке.

— Хорошо! — сказал он.— Устал немного.

Буфетчик перегнулся к нему через стойку, глаза его заблестели.

— А вы там все время были... и в тюрьме и потом?

Майк снова сделал глоток, потом посмотрел пиво на свет, наблюдая за пузырьками, которые поднимались со дна кружки от крупинок соли.

— Все время,— сказал он.— Я и в тюрьме был среди первых и веревку, когда вешали, помогал тянуть. Бывает время, когда гражданам приходится брать дело правосудия в собственные руки. А то явится какой-нибудь подлый адвокатишка и поможет негодяю избежать наказания.

Мышинная головка кивнула.

— Это вы чертовски верно сказали. Адвокаты способны вызвать кого угодно. Наверно, черномазый все-таки был виновен.

— Конечно! Кто-то говорил, что он даже признался во всем.

Головка опять склонилась над стойкой.

— А как это началось? Я пришел в самом конце, постоял минуту и пошел открывать бар — на случай, если ребятам захочется выпить по кружке пива.

Майк осушил кружку и протянул ее буфетчику. Тот снова наполнил ее.

— Конечно, все знали, что вот-вот это дело начнется. Я был в баре, что напротив тюрьмы. Весь день там провел. Тут входит один парень и говорит: «Чего мы ждем?» Ну, перешли мы улицу. Там было много ребят, потом подошло еще больше. Мы все стояли там и кричали. Потом вышел шериф и произнес речь, но мы так орали, что он не мог говорить. Какой-то малый

шел с ружьем по улице и стрелял по фонарям. Ну, потом мы бросились к дверям тюрьмы и высадили их. Шериф ничего не собирался делать. Ему бы не поздоровилось, если бы он стал стрелять в честных людей только для того, чтобы спасти черномазого негодяя.

— Да и выборы на носу,— вставил буфетчик.

— Ну, шериф стал кричать: «Не перепутайте, ребята, ради бога, не перепутайте, а то возьмете не того! Он в четвертой камере». Мне даже жалко стало,— медленно продолжал Майк.— Другие заключенные так испугались Нам было видно их сквозь решетки. Я никогда не видел таких лиц.

Буфетчик торопливо налил себе стаканчик виски и выпил.

— Это понятно. Вообразите, что вам надо отсидеть какой-нибудь месяц, а тут толпа явилась линчевать... Вы бы тоже испугались, что перепутают.

— Вот и я говорю... Вроде бы даже жалко стало. Ну, добрались мы до камеры негра. А он стоит тихо, глаза закрыты, словно пьяный. Один парень сбил его с ног, а он поднялся, тогда кто-то повалил его, сел верхом и стал бить головой о цементный пол.

Майк склонился над стойкой и постучал по полированному дереву указательным пальцем.

— Конечно, это только моя догадка, но мне кажется, что здесь он и кончился... Когда я помогал сдирать с него одежду, он ни разу не шевельнулся и, когда вешали, тоже не дергался. Нет, сэр, я думаю, что он умер еще тогда, когда тот парень колотил его головой об пол.

— Ну, не все ли равно, когда пришел ему конец?

— Не скажите. Надо, чтобы все было, как положено. Раз уж дошло до этого дело, он должен был получить все, что ему причитается.

Майк полез в карман брюк и достал клочок грубой бумажной ткани.

— Вот кусок от его штанов.

Буфетчик наклонился и стал разглядывать ткань. Потом поднял голову и посмотрел на Майка.

— Я дам вам доллар за это.

— Не выйдет!

— Хорошо. Дам два доллара за половинку лоскута.

Майк посмотрел на него с подозрением.

— А для чего он вам?

— Сейчас скажу. Дайте вашу кружку! Выпейте ее за мой счет. Я приколю его к стене, а под ним повешу маленькую табличку. Ребятам, что ходят сюда, будет интересно взглянуть на это.

Майк разрезал карманным ножом лоскут надвое и получил от буфетчика два серебряных доллара.

— Я знаю одного человека, который делает рекламные таблички,— сказал маленький буфетчик.— Он заходит сюда каждый день. Он делает мне маленькую красивую табличку, и я повешу ее.— Потом он вдруг осторожно спросил: — Как вы думаете, шериф арестует кого-нибудь?

— Конечно, нет. Очень ему нужно раздувать это дело! Сегодня в толпе было немало избирателей. Как только все разойдутся, шериф приедет, снимет негра, и все будет в порядке.

Буфетчик поглядел на дверь.

— Кажется, я ошибся... Думал, ребята захотят выпить. Уже поздно.

— Да и мне пора домой. Устал я что-то.

— Если вам на южную сторону, так я закрою бар и пойду с вами. Я живу на Восьмой улице.

— Что вы говорите! Это всего в двух кварталах от моего дома. Я живу на Шестой. Вы, наверно, каждый день проходите мимо моего дома. Странно, что я ни разу вас не встретил.

Буфетчик вымыл кружку Майка и снял свой длинный передник. Надев шляпу и пальто, он подошел к двери и погасил красную неоновую вывеску и свет в баре. Минуту оба они стояли на тротуаре, глядя в сторону парка. В городе было тихо. От парка не доносилось ни звука. Невдалеке от них прошел полицейский, освещая фонариком витрины.

— Видите? — сказал Майк.— Словно ничего не случилось.

— Я думал, что ребятам захочется выпить пива, но они, возможно, пошли в другой бар.

— А я что вам говорил?

Они пошли по пустой улице и у деловых кварталов свернули на юг.

— Моя фамилия Уэлч,— сказал буфетчик.— Я живу в этом городе всего два года.

Майку снова стало тоскливо.

— Странно...— сказал он и, помолчав, продолжал: — Я родился в этом городе, в том самом доме, в котором живу сейчас. У меня жена, а детишек нет. Мы оба родились в этом городе. Нас все знают.

Они прошли вместе еще несколько кварталов. Магазины кончились, вдоль улицы выстроились красивые дома, перед домами были разбиты палисадники и подстриженные газоны. Высокие густые деревья загораживали уличные фонари, густые тени падали на тротуар. Обнюхиваясь, брели две собаки.

— Интересно, что за человек был этот черномазый? — спросил Уэлч.

— Все газеты писали, что он был негодяй,— с тоской проговорил Майк.— Я читал газеты. Все газеты так и писали.

— Я тоже читал. Но в том-то и штука — я знал очень хороших негров.

Майк обернулся к нему и сказал негодующе:

— Ну и что ж, я сам был знаком с чертовски хорошими неграми. Я работал бок о бок с неграми, и они были не хуже любого белого человека... Но они же не были негодяями!

Его горячность на мгновение смутила маленького Уэлча. Помолчав, он сказал:

— Но вы ведь не знаете, что он был за человек?

— Не знаю... Он только стоял, не двигаясь, рот закрыт, глаза зажмурены, руки повисли. А потом один парень ударил его. Думаю, он был уже мертв, когда мы выволокли его из тюрьмы.

Уэлч шагал рядом, оглядываясь по сторонам.

— Красивые садики на этой улице. Должно быть, стоят немалых денег.— Он придвинулся почти вплотную, плечо его коснулось руки Майка.— Я никогда не участвовал в линчевании. Скажите, что чувствуешь... потом?

Майк резко отодвинулся от него.

— Ничего после этого не чувствуешь.

Он опустил голову и прибавил шагу. Маленькому буфетчику пришлось почти бежать, чтобы не отстать от него. Улица здесь была освещена хуже. Стало темней и спокойней. Майк вдруг выпалил:

— Такое ощущение, будто ты вымотался до полусмерти, но и удовлетворен чем-то. Будто довел до конца какое-то дело, но устал и спать захотелось.— Он убавил шаг.— Глядите, на кухне свет. Я здесь живу. Моя старушка ждет меня.

Он остановился у небольшого дома. Уэлч нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Заглядывайте ко мне, когда вам захочется пива или чего покрепче,— сказал он.— Бар открыт до полуночи. Друзей я принимаю хорошо.

И он засеменил прочь, похожий на старую мышь.

— Спокойной ночи,— сказал ему вслед Майк.

Он обогнул дом и направился к боковой двери. Его жена, худая, раздраженная, сидела у открытой газовой духовки и грелась. Когда Майк появился в дверях, она взглянула на него с обидой. Потом глаза ее расширились, она не отрывала их от его лица.

— Ты был с женщиной,— сказала она хрипло.— С кем ты был?

Майк засмеялся.

— Ты думаешь, хитрее тебя нет никого на свете, а? С чего ты взяла, что я был с женщиной?

— Ты думаешь, я не могу определить по твоему виду, что ты был с женщиной? — резко произнесла она.

— Хорошо же, — сказал Майк. — Раз ты считаешь себя такой хитрой всезнайкой, то я тебе ничего не скажу. Только тебе придется подождать утренней газеты.

В глазах ее любопытство боролось с недоверием.

— Негра линчевали? — спросила она. — Все говорили, что его собираются повесить.

— Узнавай сама, если уж ты такая хитрая. Я тебе ничего не скажу.

Он прошел через кухню в ванную. На стене висело небольшое зеркало. Майк снял кепку и всмотрелся в свое лицо.

— Черт возьми, она права, — пробормотал он. — Ну в точности такой вид.

УШИ ДЖОННИ МЕДВЕДЯ

Деревня Лома стоит на невысоком круглом холме, который возвышается над равниной Салинас в центральной Калифорнии. К северу и востоку на многие мили тянется черная торфяная топь, но на юге болота осушены. Там земли дают богатые урожаи овощей, почва настолько плодородна, что салат и цветная капуста вырастают до гигантских размеров.

Владельцы болота к северу от деревни завидовали обладателям черноземных угодий. Они объединились и создали мелиоративное товарищество. Я работал в фирме, которая подрядилась провести канал через болота. Прибыла плавучая грейферная землечерпалка, ее собрали, и она начала прогрызать ложе для канала, тут же заполнявшееся водой.

Первое время я жил в кубрике вместе с командой, но вскоре москиты, тучами висевшие над землечерпалкой, и густой ядовитый туман, каждую ночь стлавшийся над болотом, выгнали меня в Лому, где я снял в доме миссис Рац самую унылую из всех меблированных комнат, в каких я когда-либо жил. Я мог бы поискать что-либо получше, но в адрес миссис Рац было удобно получать письма. В конце концов я только спал в холодной пустой комнате, а ел в камбузе землечерпалки.

Жителей в Ломе было не более двухсот человек. На самой вершине холма стояла методистская церковь, шпиль ее был виден за много миль. Тут же находились две бакалеи, скобяная лавка, старинное здание масонской ложи и бар «Буффало». По

склонам холма лепились деревянные домишки жителей деревни, а на южных, плодородных равнинах возвышались дома землевладельцев с маленькими дворами, обычно окруженными высокими изгородями из подстриженных кипарисов, которые защищали дом от сильных полуденных ветров.

По вечерам в Ломе было нечего делать, разве что сидеть в баре, старом дощатом здании с вращающейся дверью и полотняным навесом над тротуаром. Ни «сухой закон», ни отмена его не повлияли на дела бара, его клиентуру и качество виски. В вечерние часы каждый мужчина в Ломе старше пятнадцати лет хоть раз да заглядывал в бар «Буффало», выпивал стаканчик виски и, поболтав с односельчанами, отправлялся домой.

Жирный Карл, владелец бара, он же буфетчик, встречал каждого посетителя с какой-то флегматичной угрюмостью, которая тем не менее располагала к непринужденности и дружелюбию. Не знаю, как это у него получалось, — выражение лица у Карла было всегда кислое, тон голоса откровенно враждебный. Помню, я даже испытывал чувство благодарности и умиления, когда Жирный Карл стал узнавать меня и, поворачивая ко мне свою угрюмую харю, спрашивал нетерпеливо: «Ну, чего вам?» Он всегда задавал этот вопрос, хотя подавал только виски и только одного сорта. Я видел, как он наотрез отказался выжать немного лимонного сока в стакан с виски какому-то случайному посетителю. Карл не любил новшеств. Он был перепоясан большим полотенцем, которым вытирал стаканы, расхаживая по бару. Некрашенный пол бара был посыпан опилками, стойкой служил старый прилавок, взятый из какой-то лавки, стулья были жесткие, неудобные; стены украшали только плакаты, объявления и картинки, которые прикалывали коммивояжеры, аукционеры да во время окружных выборов кандидаты на различные должности. Некоторые из этих украшений висели по многу лет. Один плакат призывал к переизбранию шерифа Риттала, хотя самого Риттала уже лет семь как не было в живых.

Бар «Буффало», даже на мой вкус, был ужасной дырой; но когда шагаешь темным вечером по деревянным тротуарам, когда длинные полосы густого болотного тумана, похожие на развевающиеся грязные тряпки, хлопают тебя по лицу и ты наконец толкаешь дверь заведения Жирного Карла и видишь пьющих и разговаривающих людей, а Жирный Карл идет тебе навстречу, бар может показаться очень приятным уголком. Деваться все равно было некуда.

В баре шла игра в покер по маленькой. Тимоти Рац, муж моей квартирной хозяйки, раскладывал в одиночку пасьянс, отчаянно плутуя, потому что позволял себе выпить только в

том случае, если пасьянс выходил. Я сам видел, как пасьянс вышел у него пять раз подряд. Аккуратно сложив карты, он всякий раз вставал и с достоинством шагал к стойке. Жирный Карл, уже наполовину наполнив стакан, спрашивал его:

— Чего вам?

— Виски,— серьезно говорил Тимоти.

В длинной комнате люди с ферм и из деревни сидели на грубо сколоченных стульях или стояли, навалившись на старую стойку. Здесь всегда тихо и монотонно жужжали голоса, и только во время выборов и больших боксерских состязаний кто-нибудь ораторствовал и мнения высказывались в полный голос.

Я терпеть не мог выходить из бара в сырую тьму и, послушав, как таракит дизель на землечерпалке и лязгает ковш, брести в свое унылое жилище у миссис Рац.

Вскоре после приезда в Лому я познакомился с Мэй Ромеро, корошенькой полумексиканочкой. Иногда по вечерам я прогуливался с ней по южному склону холма, пока назойливый туман не прогонял нас обратно в деревню. Проводив девушку домой, я заглядывал в бар.

Однажды вечером я сидел в баре, разговаривая с Алексом Хартнеллом, владельцем небольшой благоустроенной фермы. Мы толковали о том, как надо ловить окуней, когда дверь бара открылась и вошел какой-то человек. В комнате все замолчали. Алекс толкнул меня локтем и сказал:

— Это Джонни Медведь.

Я оглянулся.

Прозвище настолько метко характеризовало внешность этого человека, что лучше и не придумаешь. Он был похож на большого, глупо улыбающегося медведя. Его голова со вшкоченными черными волосами покачивалась на вытянутой вперед шее, длинные руки тоже висели перед телом, словно он только что ходил на четвереньках, а сейчас поднялся на задние лапы, выполняя цирковой номер. Короткие кривые ноги оканчивались странными квадратными ступнями. Он был в костюме из грубой темно-синей бумажной ткани, но ходил босиком; ступни у него не были изуродованы или как-нибудь деформированы, просто они были квадратные. Он стоял в дверях, руки у него подергивались, как это бывает у слабоумных, на лице сияла глупейшая счастливая улыбка. Он двинулся вперед; несмотря на всю его громоздкость и неуклюжесть, казалось, что он осторожно крадется. Он ходил не как человек, а как зверь на ночной охоте. Он остановился у стойки, взгляд горящих глазок просительно блуждал от лица к лицу.

— Виски? — проговорил он.

Жители Ломы не щедры на угощение. Человек может заплатить за стаканчик виски для соседа, но только в том случае, если твердо уверен, что тот немедленно угостит его тоже. К моему удивлению, один из притихших посетителей положил на стойку монету. Жирный Карл налил стаканчик. Чудовище взяло стакан и вылакало виски.

— Какого черта...— начал было я, но Алекс снова толкнул меня локтем и дал знак молчать.

— Тс-с!

И тут началась забавная пантомима. Джонни Медведь пошел к двери и, крадучись, вернулся обратно. Идиотская ухмылка не сходила с его лица. В середине комнаты он лег и пополз дальше на животе. Я услышал голос Джонни — этот голос по-казался мне очень знакомым.

— Но вы слишком красивы, чтобы жить в такой маленькой грязной деревушке!

Потом голос стал высоким, немного гортанным, и в нем появился легкий иностранный акцент.

— Ну, вы это просто так говорите!

Я чуть было не упал со стула. Кровь бросилась мне в лицо, застучала в ушах. Из горла Джонни Медведя доносился мой голос, мои слова, мои интонации! А потом — голос Мэй Ромеро... Это точно. Если бы я не видел ползущего по полу человека, я бы тут же окликнул ее. Диалог продолжался. Такие вещи в чужих устах звучат удивительно глупо. Джонни продолжал говорить, или, вернее, продолжал говорить я. Он произносил слова, издавал звуки. Понемногу лица посетителей бара повернулись от Джонни Медведя ко мне, все ухмылялись. Я ничего не мог поделать. Я знал: чтобы остановить его, мне придется пустить в ход кулаки. И так все продолжалось до конца. Когда Джонни замолк, я малодушно порадовался тому, что у Мэй Ромеро нет братьев. Какие недвусмысленные, неловкие, смешные слова вылетали из горла Джонни Медведя! Наконец он встал и, по-прежнему идиотски ухмыляясь, произнес:

— Виски?

Мне думается, что посетителям бара стало жаль меня. Они отвернулись и нарочито оживленно заговорили друг с другом. Джонни Медведь ушел в глубину комнаты, заполз под круглый карточный стол, свернулся клубком, как собака, и уснул.

Алекс Харгнелл смотрел на меня с состраданием.

— Вы слышите его в первый раз?

— Да. Но кто он такой, черт побери?

Алекс сделал вид, что не слышит моего вопроса.

— Вы беспокоитесь за репутацию Мэй Ромеро. Не надо. Джонни Медведь, случалось, отслеживал ее и прежде.

— Но как он услышал нас? Я не видел его.

— Никто не может увидеть или услышать Джонни Медведя, когда он занимается этим делом. Он мастер подкрадываться незаметно. Знаете, что делают наши молодые люди, когда идут гулять с девушками? Берут с собой собаку. Собаки боятся Джонни и чуют его издалека.

— Бог мой! Но эти голоса...

Алекс кивнул.

— Да, я понимаю вас. Мы тут написали письмо в университет насчет Джонни, и оттуда приезжал один молодой человек. Он посмотрел на Джонни и рассказал нам о Слепом Томе. Вы слышали о нем?

— О негре-пианисте? Да, слышал.

— Слепой Том был тоже слабоумным. Он почти не умел говорить, но повторял любую вещь, которую исполняли при нем на пианино, даже самые трудные вещи. Его заставляли играть после выдающихся музыкантов, и он воспроизводил не только музыку, но и настроение, личное толкование музыки во всех оттенках. Чтобы поймать его, пианисты делали небольшие ошибки, и он играл с ошибками. Он как бы фотографировал игру в мельчайших подробностях. Молодой человек из университета сказал, что Джонни Медведь делает то же самое, только он фотографирует слова и голоса. Он испытывал Джонни, читая ему длинные тексты на греческом языке, и Джонни повторял все в точности. Он не понимает слов, которые говорит, он только произносит их. Придумать что-либо у него не хватит ума, поэтому мы знаем, что он говорит только то, что слышал.

— Но для чего он это делает? Зачем ему подслушивать, если он ничего не понимает?

Алекс свернул папиросу и закурил.

— Он не понимает, но зато любит виски. Джонни знает, что если он поделушает что-нибудь под окном и повторит здесь, кто-нибудь угостит его стаканчиком виски. Иногда он пробует всучить разговор миссис Рац в лавке или спор Джерри Ноланда с матерью, но за такие вещи никто не дает виски.

— Странно,— сказал я,— что его никто до сих пор не застрелил, когда он торчал под окнами.

Алекс сделал долгую затяжку.

— Многие пытались, но Джонни Медведя не так просто увидеть, а поймать — и вовсе невозможно. Даже за закрытыми окнами приходится говорить шепотом, чтобы он не услышал. Ваше счастье, что ночь была темная. Если бы он разглядел вас, он мог бы изобразить в лицах все, что там у вас было. Вы бы посмотрели, какие гримасы делает Джонни Медведь, когда старается быть похожим на девушку. Ужасное зрелище!

Я взглянул на фигуру, свернувшуюся под столом. Джонни лежал спиной ко всем. На черноволосую всклокоченную голову падал свет. Я увидел, как большая муха села ему на голову, и... клянусь — вся кожа на голове подернулась, как у лошади, отгоняющей овода. Муха снова села, и снова кожа подернулась, сгоняя муху с головы. Меня тоже всего передернуло.

Разговоры в комнате снова стали скучными и монотонными. Жирный Карл полировал полотенцем стакан. Рядом небольшая группа посетителей, потолковав о гончих собаках и бойцовых петухах, уже переключалась на бой быков.

Алекс, сидевший рядом со мной, сказал:

— Пойдем выпьем.

Мы пошли к стойке. Жирный Карл поставил два стакана.

— Чего вам?

Мы не ответили. Карл налил желтоватого виски. Он угрюмо взглянул на меня и многозначительно подмигнул, прикрыв один глаз мясистым веком. Не знаю, почему, но я почувствовал себя польщенным. Карл сказал, указывая кивком в сторону карточного стола:

— Подвел вас, а?

Я тоже подмигнул ему.

— В следующий раз возьму собаку.

Я старался попасть ему в тон. Мы выпили виски и вернулись на свои места. У Тимоти Раца вышел пасьянс, и он двинулся к стойке.

Я оглянулся на стол, под которым лежал Джонни Медведь. Оттуда выглядывало его глупо улыбающееся лицо. Он уже лежал на животе. Голова его двигалась, он осматривался, словно зверь перед тем, как вылезти из берлоги. Потом он выполз и встал. Такой неуклюжий, бесформенный, он двигался поразительно легко.

Джонни Медведь стал красться к стойке, на ходу улыбаясь посетителям бара. У стойки снова послышался его настойчивый зов:

— Виски? Виски?

Это было, как крик птицы. Не помню, что это за птица, но я слышал, как она кричит в два тона: сначала низко, потом выше, словно о чем-то спрашивает...

— Ви-ски? Ви-ски?

Все в баре замолчали, но никто не встал, чтобы положить монету на стойку. Джонни жалобно улыбался.

— Виски?

Он попробовал смошенничать. Из рта его послышались звуки сердитого женского голоса: «Я говорю вам, это было не мясо, а одни кости. Берете двадцать центов за фунт, а даёте половину

костей». Потом мужской голос: «Да, сударыня. Я не заметил. Я вам дам немного сосисок, и мы будем в расчете».

Джонни Медведь выжидающе оглядывался.

— Виски?

И снова никто не положил денег на стойку. Джонни подкрался к двери, припал к ней. Я прошептал:

— Что он делает?

— Тс-с. Это он подкрался к окну. Слушайте! — ответил Алекс.

Послышался женский голос, холодный, уверенный голос, женщина говорила, глотая окончания слов.

— У меня это не укладывается в голове. Кто ты — чудовище какое-нибудь? Я бы не поверила, если бы не видела своими глазами.

Ответил другой женский голос, низкий и хриплый от страдания.

— Может, я и есть чудовище. Я ничего не могу с собой поделать. Я ничего не могу с собой поделать...

— Ты должна совладать с собой, — перебил холодный голос. — Иначе тебе лучше не жить!..

Я услышал рыдания, они срывались с толстых, улыбающихся губ Джонни Медведя. Рыдания женщины, пришедшей в полное отчаяние. Я взглянул на Алекса. Он сидел, не шевелясь, широко раскрыв глаза. Я хотел было шепотом задать вопрос, но он дал мне знак молчать. Я оглянулся. Все замерли и слушали. Рыдания прекратились.

— Неужели ты не испытывала ничего подобного, Ималин?

Услышав это имя, Алекс затаил дыхание. Холодный голос возвестил:

— Конечно, нет.

— И по ночам никогда? Никогда... никогда в жизни?

— Если бы, — ответил холодный голос, — если бы я хоть раз испытала нечто подобное, я тут же отрезала бы себе руку... Ну, перестань хныкать, Эми! Мне это надоело. Если у тебя расстроились нервы, я постараюсь тебе их подлечить. А теперь приступай к молитве.

Джонни Медведь кончил. Он улыбался.

— Виски?

Два человека встали и, не говоря ни слова, положили монеты. Жирный Карл налил два стакана, и когда Джонни Медведь высосал их один за другим, кабатчик наполнил еще один. Все поняли, что и он взволнован. В баре «Буффало» даром никогда не угощали. Джонни Медведь одарил всех улыбкой и вышел из бара своей крадущейся походкой. Дверь закрылась за ним медленно и беззвучно.

Все долго молчали. Каждый, казалось, думал о своем. Один за другим посетители уходили. В дверь, когда ее приоткрывали, врывались клочья тумана. Алекс встал и вышел. Я последовал за ним.

Мерзкая ночь... Все было окутано зловонным туманом. Он, казалось, прилипал к домам, проникал своими щупальцами всюду. Я прибавил шагу и догнал Алекса.

— Что это было? — спросил я. — О чем это он?

Сначала я подумал, что Алекс мне не ответит. Но он, помолчав, остановился и повернулся ко мне.

— А, черт, ладно! Слушайте! В каждой деревне есть свои аристократы, своя безупречная семья. Ималин и Эми Хокинс — это наши аристократки, старые девы, добрые души. Их отец был конгрессменом. Мне не понравился этот спектакль, Джонни Медведю не следовало делать этого. Ведь они кормят его! И не надо было давать ему виски. Теперь он глаз не будет спускать с их дома... Теперь он знает, что получит за это виски.

— Они ваши родственники? — спросил я.

— Нет, но они... просто они не похожи на других. Их ферма рядом с моей. У них работают китайцы-издольщики. Видите ли, это трудно объяснить. Эти сестры Хокинс — воплощение добпорядочности. Они то самое, о чем мы рассказываем нашим детям, когда хотим... ну, объяснить, какими должны быть хорошие люди.

— Но, — возразил я, — разве Джонни Медведь сказал что-нибудь порочащее их?

— Я не знаю. Я не знаю, что бы это могло значить. Вернее, я кое-что знаю... Ладно! Пошли спать. Я оставил свой «форд» дома. Прогуляюсь пешком.

Он повернулся и исчез в медленно колыхавшемся тумане.

Я отправился к дому миссис Рац. Слышно было, как стучит дизель и скрежещет вгрызающийся в землю большой стальной ковш. Был субботний вечер. На землечерпалке должны были прекратить работу в семь утра и отдыхать все воскресенье, до двенадцати ночи. Ритмичное тарахтенье и звяканье говорили о том, что на землечерпалке все в порядке. Я поднялся по узкой лестнице в свою комнату, лег в постель и некоторое время не гасил света, вглядываясь в выцветшие аляповатые цветы на обоях. Я все думал о двух голосах, которыми говорил Джонни Медведь. Это не было подражанием. Это были подлинные голоса двух женщин. Вспоминая интонации, я представлял себе их — говорящую ледяным тоном Ималин, распухшее от слез лицо Эми. Хотел бы я знать, что расстроило ее? Может быть, просто немолодая женщина изнывает от одиночества? Вряд ли...

Очень уж много страха было в ее голосе. Я уснул, не погасив света, пришлось встать ночью и выключить его.

На следующее утро, часов в восемь, я шагал через болото к землечерпалке. Команда меняла тросы на барабанах. Я проследил за работой и часов в одиннадцать вернулся в Лому. Перед домом миссис Рац сидел в своем «форде» Алекс Хартнелл. Он окликнул меня.

— А я как раз собирался к вам на землечерпалку. Сегодня утром я зарезал двух кур и подумал, не пригласить ли вас пообедать.

Я с радостью принял приглашение. Повар наш, высокий бледный человек, готовил недурно, но в последнее время я чувствовал к нему какую-то неприязнь. Он курил кубинские сигареты, закладывая их в бамбуковый мундштук. Мне не нравилось, как по утрам у него дрожат пальцы. Руки у него были чистые, но очень уж белые, словно обсыпанные мукой. До этого времени я не знал, почему некоторых людей называют мельничной молью...

Я сел в машину рядом с Алексом, и мы поехали вниз по склону холма на юго-запад, к плодородным участкам. Ослепительно сияло солнце. Когда я был маленьким, один мальчишкатолик сказал мне, что солнце всегда светит в воскресенье; хотя бы на мгновение оно выходит из-за туч, потому что славит божий день; мне всегда хотелось проверить, правда ли это.

Машина дребезжа съехала в долину.

— Помните о Хокинсах? — крикнул Алекс.

— Конечно, помню.

Он показал рукой.

— Вот их дом.

Дома почти не было видно за плотной стеной высоких кипарисов. Должно быть, за кипарисами был маленький дворик. Поверх деревьев виднелись только крыша и верхняя часть окон. Дом был покрашен в рыжевато-коричневый цвет, филенки — в темно-коричневый; эта комбинация цветов в большом ходу в Калифорнии — так окрашивают там железнодорожные станции, школьные здания. В кипарисовой стене, посередине и сбоку, были плетневые калитки. За домом, позади живой изгороди, стоял амбар. Изгородь была аккуратно подстрижена. Она казалась неизменно толстой и густой.

— Такая изгородь защитит от любого ветра, — сказал Алекс.

— Но не от Джонни Медведя.

Он помрачнел и показал на побеленный известкой домик, стоявший на отшибе в поле.

— Вон там живут китайцы-издолщики. Хорошие работники. Жаль, что у меня нет таких.

В это время из-за угла изгороди выехала на дорогу двухместная коляска. Запряженная в нее серая лошадь была стара, но хорошо ухожена. Коляска блестела, упряжь была начищена. На шорах виднелись большие серебряные буквы «Х».

— А вот и они,— сказал Алекс.— Едут в церковь.

Мы сняли шляпы и раскланялись, сестры вежливо кивнули в ответ. Я хорошо разглядел сестер. Внешность их меня поразила. Они выглядели точно так, как я и представлял их себе. Джонни Медведь теперь казался мне еще большим чудом, чем раньше: он мог одними интонациями голоса рассказать о внешности людей. Мне не пришлось спрашивать, кто из них была Ималин, а кто Эми. Строгие, немигающие глаза, острый, волевой подбородок, четкий рисунок словно вырезанного алмазом рта, прямая плоская фигура — это была Ималин. Эми была очень похожа на сестру и в то же время так непохожа. Линии ее тела были округлы, выражение рта мягкое, губы полные, грудь высокая. И все же сходство было большое. Но если лицо старшей было от природы малоподвижным, Эми, казалось, пряталась за такой же неподвижной маской. Ималин можно было дать лет пятьдесят — пятьдесят пять, Эми — лет на десять меньше. Такими они предстали передо мной в эти несколько мгновений. Больше я их никогда не видел. И все-таки, как ни странно, никого в жизни я не запомнил так хорошо, как этих двух женщин.

— Вы понимаете, почему я назвал их аристократками? — спросил Алекс.

Я кивнул. Это было нетрудно понять. Здешние жители, наверно, чувствовали себя... увереннее, что ли, живя рядом с такими женщинами. Лома с ее туманами, огромным и страшным, как смертный грех, болотом, поистине нуждалась в них. За несколько лет пребывания здесь любой мог дойти черт знает до чего, если бы не сдерживающее влияние сестер Хокинс.

Обед оказался отличным. Сестра Алекса изжарила кур в масле и все устроила, как полагается. Я мысленно злился на нашего повара, подозревая его во всех смертных грехах. После обеда мы поудобнее уселись в столовой и стали потягивать хорошее бренди.

— Не могу понять,— сказал я,— почему вы все ходите в бар. Виски там...

— Конечно,— подхватил Алекс.— Но бар — мозг Ломы. Это наша газета, наш театр, наш клуб.

Да, это было верно; и когда Алекс сел в «форд», чтобы отвезти меня обратно, мы оба знали, что и сегодня мы проведем часок-другой в баре «Буффало».

Мы въезжали в деревню. На дороге заплясал неяркий свет фар встречной машины. Алекс поставил свою машину поперек дороги и заглушил мотор.

— Это врач, доктор Холмс,— объяснил он. Встречная машина тоже остановилась: она не могла объехать нас.

— Послушайте, док,— окликнул Алекс.— Я хочу попросить вас взглянуть на мою сестру. У нее болит горло.

— Хорошо, Алекс! — прокричал в ответ доктор Холмс.— Я посмотрю ее. Уберите-ка машину. Я тороплюсь!

Но Алекс медлил.

— Кто заболел, док?

— Да мисс Эми немного прихворнула. Мисс Ималин позволила и просила поторопиться. Дайте же мне проехать.

Алекс сдал машину назад, и доктор умчался. Мы тоже тронулись. Я уже было решил, что ночь сегодня будет ясная, но взглянув вперед, увидел клочья тумана; они, словно змеи, медленно наползали на холм со стороны болота. «Форд» остановился у бара. Мы вошли.

Жирный Карл встретил нас, вытирая передником стакан. Он достал из-под стойки первую попавшуюся под руку бутылку.

— Что вам?

— Виски.

На мгновение мне показалось, что легкая усмешка пробежала по его жирному угрюмому лицу. Зал был полон. В баре сидела вся команда моей землечерпалки, за исключением повара. Он, наверно, остался на борту и теперь сосет бамбуковый мундштук с кубинской сигаретой. Повар не пил. Этого было достаточно, чтобы вызвать у меня подозрения. Два палубных матроса, машинист и три оператора были здесь. Они спорили о том, как лучше рыть канал. Вот уж поистине оправдывалась старая поговорка лесорубов: «В лесу о женщинах, а с женщинами — о рубке леса».

Никогда я не видел более тихого бара. Здесь редко пели. Никто не дрался, не выкидывал никаких штук. Под недобрый взгляд угрюмых глаз Жирного Карла выпивка каким-то образом превращалась из шумной забавы в спокойное, деловое занятие. Тимоти Рац раскладывал свой пасьянс на одном из круглых столов. Алекс и я потягивали виски. Свободных стульев не было, и мы стояли, прислонившись к стойке, и болтали о спорте, торговле, о своих приключениях, истинных и выдуманных... Словом, вели обычную для бара беспорядочную беседу. Время от времени мы заказывали себе еще по стаканчику виски. Мы, наверно, проторчали там часа два, потом Алекс сказал, что собирается домой. Мне тоже захотелось уйти. Команды

землечерпалки уже давно не было: в полночь она приступала к работе.

Дверь бесшумно отворилась, и в комнату скользнул Джонни Медведь. Его длинные руки дергались, он покачивал большой черноволосой головой и глупо улыбался всем. Его квадратные ступни напоминали мне теперь кошачьи лапы.

— Виски? — прошептал он. Но никто не откликнулся. Тогда Джонни стал показывать товар лицом. Он лег на живот, как и в тот раз, когда изображал меня. Послышалась монотонная, гнусавая речь, наверно, китайская. Потом мне показалось, что те же слова произносит другой голос, только медленно и не гнусаво. Джонни Медведь поднял всклокоченную голову.

— Виски?

Он ловко, без видимого усилия, вскочил на ноги. Я заинтересовался. Мне захотелось досмотреть представление до конца, и я бросил на стойку четверть доллара. Джонни вылакал виски. Но через минуту я пожалел о том, что сделал. Я боялся взглянуть на Алекса: Джонни Медведь, крадучись, вышел на середину комнаты и принял свою излюбленную позу — позу человека, подслушивающего у окна.

Холодный голос Ималин сказал:

— Она здесь, доктор! — Я невольно закрыл глаза, чтобы не видеть Джонни Медведя. Да, это говорила Ималин Хокинс.

Голос доктора, который я слышал на дороге, спросил:

— Э... Вы говорите, небольшой обморок?

— Да, доктор.

После короткой паузы снова послышался тихий голос доктора:

— Почему она сделала это, Ималин?

— А что она сделала? — В этом вопросе была почти угроза.

— Я ваш врач, Ималин. Я лечил вашего отца. Вы должны мне сказать правду. Думаете, я не вижу эту красную полосу у нее на шее? Как долго она провисела в петле, прежде чем вы ее сняли?

Долгое молчание. Когда женщина заговорила, в голосе ее уже не было холодности. Это был почти шепот:

— Две или три минуты. Она оживет, доктор?

— Да, она придет в себя. Она пострадала не очень сильно. Но почему она сделала это?

Теперь женский голос был еще холоднее, чем вначале.

— Я не знаю, сэр.

— Значит, вы не хотите сказать мне?

— Это значит только то, что я сказала.

Потом голос доктора стал объяснять, как ходить за больной, советовал уложить больную в постель, дать молока и немного

виски.— И, наконец, будьте поласковой с ней,— добавил доктор.— Самое главное, будьте поласковой с ней.

— Вы никому... не скажете, доктор? — Голос Ималин слегка дрожал.

— Я врач,— мягко прозвучал ответ.— Конечно, я никому не скажу. Я сегодня же пришлю вам какое-нибудь успокоительное лекарство...

— Виски?!

Я вздрогнул и открыл глаза. Страшный Джонни Медведь с улыбкой оглядывал посетителей бара.

Люди молчали. Казалось, им было стыдно. Жирный Карл мрачно уставился в пол. Я повернулся к Алексу, чтобы извиниться,— ведь это я был за все в ответе.

— Я не знал,— сказал я.— Простите.

Я вышел из бара и отправился в свою унылую комнату. Открыв окно, я долго смотрел на клубящийся, пульсирующий туман. Далеко на болоте сначала медленно, а потом все быстрее застучал дизель. Потом я услышал лязг ковша.

На следующее утро на нас свалилось сразу несколько бед, столь обычных на строительных работах. От рывка землечерпалки лопнул новый трос; ковш упал на понтон и потопил его в канале вместе с находившимися на нем механизмами, а глубина достигала восьми футов. Мы вбили сваю и, зацепив за нее трос, стали вытягивать понтон из воды. Но этот трос тоже лопнул и, как бритвой, отхватил обе ноги у одного из рабочих. Мы перетянули жгутами обрубки и срочно отправили беднягу в Салинас. А потом случилось еще несколько мелких происшествий. У одного из операторов, поцарапанного тросом, началось заражение крови. Подтвердились и мои подозрения насчет повара: он пытался продать машинисту коробочку с марихуаной. В общем, хлопот было немало. Прошло целых две недели, прежде чем прибыл новый понтон, приехали новый рабочий и новый повар, и мы снова приступили к работе.

Новый повар был хитроватый, смуглый, длинноносый человек, обладавший даром тонко льстить.

Мне было не до событий, происходивших в Ломе. И только когда ковш вновь с лязгом зарылся в грязь и на болоте затахтел старый большой дизель, я однажды вечером отправился пешком на ферму к Алексу Хартнеллу. Проходя мимо дома Хокинсов, я заглянул во двор через плетневую калитку в кипарисовой изгороди. Дом стоял темный, мрачный; ночник, неярко горевший в одном из окон, только усиливал впечатление мрачности. Дул ветерок, он гнал по самой земле клубы тумана, похожие на перекаати-поле. Я то оказывался на чистом воздухе,

то исчезал в серой, туманной мгле. При свете звезд я видел, как по полям передвигаются большие серебристые шары тумана, напоминающие гигантских моллюсков. Мне показалось, что я слышу какой-то тихий стон за изгородью дома Хокинсов. Потом, вынырнув из тумана, я вдруг увидел темную фигуру человека, спешившего напрямик через поле. По шаркающей походке я понял, что это один из китайцев-издольщиков — они носили туфли без задников.

На мой стук дверь открыл Алекс. Он, видимо, обрадовался мне. Сестра его была в отъезде. Я сел у печки, а он принес бутылку своего отличного бренди.

— Я слышал, у вас были неприятности,— сказал он.

Я рассказал ему, что произошло.

— Да, действительно, беда никогда не ходит одна. Люди говорят, что неприятностей бывает сразу по три, по пять, по семь, а то и по девять.

— И у меня такое же ощущение,— подтвердил Алекс.

— Как поживают сестры Хокинсы? — спросил я. — Когда я проходил мимо них, мне показалось, что там кто-то плачет. Алексу, должно быть, и хотелось и не хотелось говорить о них.

— Я заходил к ним с неделю назад. Мисс Эми плохо себя чувствует. Я ее не видел. Говорил только с мисс Ималин.

И вдруг Алекс не выдержал.

— С ними что-то происходит, что-то такое...

— Похоже на то, что вы испытываете к ним родственные чувства,— сказал я.

— Что ж, наши отцы были друзьями. Мы называли девушек тетей Эми и тетей Ималин. Они не способны ни на что дурное. Было бы плохо для всех нас, если бы сестры Хокинсы не были сестрами Хокинсы.

— Совесть общины?

— Вот именно! В их доме ребенку дадут имбирный пряник. В их доме девушка может получить наставление. Они горды, но верят в те же вещи, которые и мы считаем правильными. Они живут так, словно... ну, словно честность действительно лучшая политика, а доброе дело действительно не требует вознаграждения. Они нужны нам...

— Понимаю.

— Но мисс Ималин борется с чем-то страшным. И... я не знаю, удастся ли ей одержать верх.

— Что вы хотите сказать?

— Сам не знаю. Но я подумал сейчас, не застрелить ли мне Джонни Медведя и бросить его тело в болото. Я действительно подумал об этом.

— Это не его вина,— возразил я.— Он всего лишь своеобразный звукозаписывающий и воспроизводящий автомат, только вместо того, чтобы бросить монетку, в него вливают стаканчик виски.

Мы поговорили еще на другие темы, и я пошел обратно в Лому. Мне показалось, что туман особенно льнет к кипарисовой изгороди дома Хокинсов, что на нее налипло уже множество клубков тумана и они медленно вползают во двор.

Я улыбнулся: человек даже природу воспринимает так, как подсказывает ход его мыслей. Когда я поравнялся с домом, света в окне не было...

Приятно равномерный ход работы на болоте ничем не нарушался. Большой ковш возглавлял наше шествие, прокапывая ложе канала. Команда тоже чувствовала, что все беды кончились, и работа спорилась. Новый повар так успешно льстил людям, что они, кажется, сжевали бы поджаренный бетон. Видно, хорошее настроение команды зависело больше от личных качеств повара, чем от его стряпни.

На следующий день после моего визита к Алексу я шел вечером по деревянному тротуару к бару «Буффало», волоча за собой трепещущие струйки тумана. Жирный Карл, вытиравший стакан из-под виски, двинулся мне навстречу. Я крикнул: «Виски!»,— не дав ему времени спросить: «Чего вам?» Взяв стакан, я направился к одному из стульев. Алекса в баре не было. Тимоти Рац раскладывал пасьянс с неизменным феноменальным успехом: пасьянс вышел у Тимоти Раца четыре раза подряд, и каждый раз выпивалась порция виски. Входили все новые люди.

Часов в десять стала известна новость. Вспоминая о таких вещах впоследствии, очень трудно представить себе, как все происходило. Кто-то входит, начинается перешептывание, новость облетает всех, люди уже знают все до малейших подробностей. Мисс Эми покончила с собой. Кто первый принес известие об этом? Не знаю. Она повесилась. В баре воцарилась почти полная тишина. Я видел, что люди старались быть как можно сдержаннее. То, что произошло, не укладывалось у них в мозгу. Они стояли группками и переговаривались вполголоса.

Дверь медленно раскрылась, и в бар, крадучись, вошел Джонни Медведь. Большая лохматая голова покачивалась, на лице сияла идиотская улыбка. Квадратные ступни тихо склещивали по полу. Он огляделся и прошепел:

— Виски? Виски для Джонни?

Теперь уже собравшиеся действительно хотели все знать. Им было стыдно, но все существо их требовало этого. Жирный

Карл налил виски. Тимоти Рац бросил карты и встал. Джонни вылакал виски. Я закрыл глаза.

Голос врача звучал резко:

— Где она, Ималин?

Другой голос ответил — никогда в жизни я не слышал подобной интонации. Слова текли холодные, сдержанные, словно обуздываемые самообладанием, но сквозь эту холодность проступало крайнее человеческое отчаяние. Нарочитая монотонность и бесстрастность не могли скрыть дрожи, вызванной огромным горем.

— Она в этой комнате, доктор.

— Так... — Длинная пауза. — И долго она висела?

— Я не знаю, доктор.

— Почему она это сделала, Ималин?

Снова монотонный голос:

— Я... не знаю, доктор.

Еще более длинная пауза и потом: — Так... Ималин, вы знали, что она ждет ребенка?

Холодно-сдержанный голос дрогнул. Послышался вздох и невнятное:

— Да, доктор.

— И поэтому вы так долго не входили в комнату, где она... Нет, Ималин, нет, моя бедняжка, я вовсе не думаю, что вы...

Голос Ималин снова обрел уверенность.

— Вы ведь можете выписать свидетельство без упоминания...

— Разумеется, могу, безусловно, могу. И с гробовщиком я договорюсь сам. Не волнуйтесь.

— Благодарю вас, доктор.

— Сейчас позвоню. Я не могу вас оставить одну. Пройдемте в другую комнату, Ималин. Я дам вам успокоительное...

— Виски? Виски для Джонни?

Я увидел улыбку и качающуюся лохматую голову. Жирный Карл налил еще стакан. Джонни Медведь выпил его, прошел, крадучись, в глубь комнаты, заполз под стол и уснул.

Все молчали. Люди подходили к стойке и молча расплачивались за выпитое. Они казались сбитыми с толку: на этот раз их система получения сведений не сработала до конца. Спустя несколько минут в притихший бар вошел Алекс. Он быстро направился ко мне.

— Вы уже знаете? — тихо спросил он.

— Да.

— Этого я и опасался! — воскликнул он. — Я говорил вам позавчера. Этого я и боялся.

— Вы знали, что она была беременна?

Алекс оцепенел. Он оглянулся вокруг, потом снова уставился на меня.

— Джонни Медведь, да? — спросил он.

Я кивнул.

Алекс провел ладонью по глазам.

— Не могу этому поверить.

Я хотел что-то сказать, но услышал тихое фырканье и посмотрел в дальний угол комнаты. Джонни Медведь выполз, словно барсук из норы, встал и начал пробираться к стойке.

— Виски?

Он просительно улыбался Жирному Карлу.

Тогда Алекс вышел на середину и обратился ко всем:

— Послушайте, ребята! Это зашло слишком далеко. Я не хочу, чтобы это повторялось.

Если Алекс ожидал, что ему будут возражать, то он ошибался. Люди одобрительно кивали друг другу.

— Виски для Джонни?

Алекс повернулся к идиоту.

— Как тебе не стыдно! Мисс Эми кормила тебя, одевала. Она дала тебе вот этот костюм!

Джонни улыбался ему.

— Виски?

Он снова принялся выделывать свои штучки. Я услышал монотонную гнусавую речь, похожую на китайскую. Алекс облегченно вздохнул.

Потом я услышал второй голос, медленный, неуверенный, повторявший сказанные перед этим слова, но уже не гнусавя.

Алекс рванулся вперед так быстро, что я не уловил его движений. Кулак его влип в улыбающийся рот Джонни Медведя.

— Я сказал тебе, хватит! — крикнул он.

Джонни Медведь пошатнулся, но быстро оправился. Губы его были разбиты и кровоточили, но он все так же улыбался. Он двигался медленно, но ловко. Его руки обхватили Алекса, как щупальца спрута, обхватывающие краба. Спина Алекса прогнулась. Я подскочил, схватил одну руку и стал ее дергать, но не мог оторвать. Жирный Карл, перекатившись через стойку, подбежал с пивным насосом в руке. Он стал бить по лохматой голове и бил до тех пор, пока руки Джонни Медведя не разжались и сам он не свалился на пол. Я подхватил Алекса и усадил на стул.

— Он ничего вам не повредил?

Дыхание Алекса понемногу становилось ровным.

— Наверно, спину помял, — сказал он. — Это пройдет.

— Вы на машине? Я отвезу вас домой.

Ни один из нас не взглянул на дом Хокинсов, когда мы проезжали мимо. Я не отрывал глаз от дороги. Доставив Алекса домой, я уложил его и напоил горячим бренди. За всю дорогу домой он не проронил ни слова. Но теперь, лежа в постели, он спросил:

— Как вы думаете, никто не заметил? Я его вовремя остановил, а?

— О чем вы говорите? Я так и не знаю, почему вы ударили его?

— Ну, ладно, слушайте,— сказал он.— Мне придется несколько дней не вставать с постели. Если вы услышите, что кто-нибудь болтает лишнее, вы запретите ему? Не давайте им говорить об этом.

— Я не возьму в толк, о чем вы говорите.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Ну, хорошо, вам я могу доверить это,— сказал он наконец.— Тот, второй голос... то был голос мисс Эми.

БЕЛАЯ ПЕРЕПЕЛКА

I

Всю стену напротив камина занимало огромное окно. Оно поднималось от подоконника, на котором лежали мягкие подушки, почти до самого потолка. Небольшие пластинки хрустального стекла были вставлены в свинцовый переплет. Из окна, если сидеть на подоконнике, открывался вид на сад и склон холма. Видна была полоска лужайки, затененной молодыми дубками; вокруг каждого дерева был кружок тщательно взрыхленной земли, на котором росли большие цинерарии, с таким грузом цветов, что стебли клонились долу; цветы были всех оттенков — от пурпурного до ультрамаринового. На краю лужайки выстроились фуксии, похожие на маленькие рождественские елочки. Перед фуксиями раскинулся неглубокий бассейн, наполненный водой до самых краев, на что была своя, весьма веская причина.

Сразу же за садом начинался склон холма, покрытый дикими зарослями. Если вы не побывали перед фасадом дома, вам не догадаться, что он стоит на окраине города, а не в сельской местности.

Мэри Теллер, ныне миссис Гарри Е. Теллер, знала, что и окно и сад были именно такими, какими им надлежало быть, и ее уверенность в этом имела свою весьма вескую причину. Не она ли много лет тому назад выбрала место для дома и са-

да? Не она ли тысячи раз представляла себе, какими будут дом и сад еще тогда, когда это место было пустырем у подножия холма? Не она ли в течение пяти лет поглядывала на каждого интересовавшегося ею мужчину, стараясь представить себе, каков он будет в сочетании с садом? При этом ее занимал не вопрос: «Понравится ли такой сад этому человеку?» — а скорее другое: «Понравится ли саду такой человек?» Ибо сад — это была она сама, а ей все-таки хотелось выйти замуж за кого-нибудь, кто придется по душе.

Когда она познакомилась с Гарри Теллером, он, кажется, понравился саду. Сделав предложение, он угрюмо, как это бывает у мужчин, ждал ответа и был немного удивлен, когда Мэри вдруг принялась пространно описывать и большое окно, и сад с лужайкой, дубками и цинерариями, и дикие заросли на склоне холма.

— Да, разумеется, — сказал он без особого энтузиазма.

— Вы думаете, что все это глупости? — спросила Мэри.

Он по-прежнему мрачно ждал ответа на свое предложение.

— Нет, почему же...

И тогда она вспомнила, что он сделал предложение, дала согласие быть его женой и позволила поцеловать себя.

— В саду мы сделаем маленький цементный бассейн, — продолжала она, — и вода в нем будет как раз на уровне лужайки. Вы знаете, почему? Ну, вы даже не представляете себе, сколько птиц на том холме: овсянки, дикие канарейки, краснокрылые дрозды, конечно, воробьи и коноплянки, и много перепелок. Они, безусловно, будут слетать с холма и пить из бассейна, правда?

Она была очаровательна. Ему захотелось поцеловать ее еще раз, и потом еще, и она позволила.

— И фуксии, — сказала она. — Не забудьте фуксии. Они похожи на маленькие тропические рождественские елки. Мы будем каждый день сгребать дубовые листья, чтобы лужайка была чистая.

Он рассмеялся.

— Вы маленькая смешная сумасбродка. Еще ничего не куплено, даже дом не построен, и сад не посажен, а вы уже беспокоитесь, как бы дубовые листья не засорили лужайку. Вы прелесть. Вы вызываете во мне что-то вроде... голода.

Это ее немного испугало. На лице появилась недовольная гримаска. Тем не менее она позволила ему поцеловать себя еще раз, велела идти домой, а сама пошла к себе в комнату, где у нее стоял маленький голубой письменный столик и на нем — тетрадка, в которой она вела записи. Она взяла ручку, сделанную из

павлиньего пера, и принялась писать без конца одно и то же: «Мэри Теллер». Впрочем, несколько раз она написала «Миссис Гарри Е. Теллер».

II

Все было куплено, дом построен, и они поженились. Мэри тщательно вычертила план сада, и когда рабочие стали разбивать его, она не отходила от них ни на минуту. Она точно знала, что должно быть посажено на каждом дюйме земли. Для рабочих, выполнявших цементные работы, она нарисовала очертания бассейна. Он должен был иметь форму сердца, гладкое дно и пологие края, чтобы птицам легче было пить воду.

Гарри наблюдал за ней с восхищением.

— Кто бы подумал, что у такой хорошенькой девушки окажется такая деловая хватка? — говорил он.

Это нравилось ей. Она пришла в такое хорошее расположение духа, что однажды сказала:

— Ты можешь посадить в саду, что тебе нравится, если хочешь.

— Нет, Мэри, мне больше нравится смотреть, как ты воплощаешь свои замыслы. Делай все по-своему.

Она любила его за это, и в конце концов сад был ее детищем. Она сама его выдумала, сама создавала его и так заботливо подбирала все краски. И действительно было бы нехорошо, если бы, например, Гарри захотел посадить цветы, которые не подходят по тону.

Наконец лужайка зазеленела, а под дубками в закопанных горшочках зацвели цинерарии. Маленькие деревца фуксии были доставлены и высажены так осторожно, что не завяли ни один листочек.

Подушки на подоконнике были из яркой невыцветавшей ткани, потому что солнце светило в окно добрую половину дня.

Мэри дождалась, когда все было закончено, все выполнено так, как она себе представляла, и однажды вечером взяла за руку Гарри, вернувшегося из своей конторы, и усадила на подоконнике.

— Вот видишь, — тихо сказала она. — Все получилось так, как я хотела.

— Красиво, — сказал Гарри. — Очень красиво.

— Мне даже грустно, что все кончилось. А вообще я рада. Мы ничего не будем менять в саду, правда, Гарри? Если куст погибнет, мы посадим точно такой же и на прежнее место.

— Смешная маленькая сумасбродка, — улыбнулся он.

— Видишь ли, я думала об этом так долго, что это стало

частью меня. Изменить что-либо — значит оторвать кусок моего сердца.

Он протянул руку, чтобы приласкать Мэри, но так и не дотронулся до нее.

— Я очень люблю тебя,— сказал он и, помолчав, добавил: — И боюсь.

Она улыбнулась.

— Ты? Боишься меня? Что же тебя пугает во мне?

— Ну, ты какая-то недотрога. В тебе есть что-то загадочное. Должно быть, я и сам не знаю, что именно. Ты вроде своего сада... неизменяемая. Да, именно такая. Я боюсь ходить по саду. Боюсь потревожить твои растения.

Мэри была довольна.

— Милый,— сказала она.— Ты позволил мне делать все, что я хочу. Благодаря тебе сад стал моим. Да, да, милый!

И она позволила ему поцеловать себя.

III

Он гордился ею, когда люди приходили к ним обедать. Она была так хороша, держалась так уверенно — словом, была безупречна. Ее вазы с цветами были изысканны, но она говорила о саде скромно, как бы стесняясь, почти так, как говорила бы о себе самой. Иногда она водила гостей в сад.

— Не знаю, будет ли она счастливой,— говорила Мэри, показывая на фуксию, словно растение было человеком.— Ей пришлось давать усиленное питание, прежде чем она освоилась.

Она улыбалась своим мыслям.

Во время работы в саду она была восхитительна. На ней было яркое ситцевое платье, довольно длинное, но без рукавов. Она где-то раздобыла старомодную панамку. Руки ее были защищены плотными перчатками. Гарри любил наблюдать, как она расхаживает с мешочком и совком и сыплет удобрения под цветы. Ему нравилось выходить вместе с ней по ночам уничтожать слизней и улиток. Мэри держала фонарь, а действовал сам Гарри, он давил слизняков и улиток, превращая их в липкую, скользкую массу. Он знал, что ей, наверно, противно смотреть на это, но фонарь ни разу не дрогнул в ее руке. «Храбрая девочка,— думал он.— За этой хрупкой красотой скрывается выдержка. Она даже охоту на вредителей умеет превращать в увлекательное занятие».

— Вон большая, ползет и ползет,— говорила она.— Она хочет съесть этот большой цветок. Убей ее! Убей скорей!

После таких вылазок они возвращались в дом, весело хохоча.

Мэри беспокоилась о птицах.

— Они не слетают пить,— жаловалась она.— Их совсем мало. Хотела бы я знать, чего они боятся.

— Может быть, они еще просто не привыкли. Они будут прилетать позже. Наверно, где-нибудь бродит кошка.

В лицо ей бросилась краска. Она вздохнула и надула хо-рошенькие губки.

— Если это кошка, я положу в саду отравленную рыбу!— воскликнула она.— Я не дам кошке охотиться за моими пти-цами!

Гарри пришлось успокаивать ее.

— Знаешь, что я сделаю? Я куплю духовое ружье. И если кошка появится, мы можем подстрелить ее. Это не убьет кошку, но ей будет больно, и она больше не вернется сюда.

— Хорошо,— сказала она уже более спокойно.— Так будет лучше.

Сидеть по вечерам в столовой было очень приятно. Ровным пламенем горел камин. Если была луна, Мэри гасила свет, и они сидели, глядя в окно на залитый голубоватым, холодным светом сад и на тени от дубков.

Там царил покойствие и постоянство. Но за садом начинались темные заросли.

— Это враг,— сказала Мэри однажды.— Это мир с его гру-бостью, неразберихой, неопрятностью хочет ворваться в мой сад. Но он не может, потому что фуксии не пускают его. Вот для чего там фуксии, и они знают это. Птицы могут прилетать свободно. Они живут в диком мире, но они прилетают в мой сад отдохнуть и напиться.— Она тихо засмеялась.— Гарри, во всем этом есть что-то глубокое. Я не знаю, что именно. В саду уже начинают появляться перепелки. Сегодня вечером по меньшей мере дюжина побывала у бассейна.

— Жаль, я не могу понять, что у тебя на уме,— сказал он.— Ты вроде бы скользишь по поверхности всего и в то же время холодна, сосредоточенна. Ты такая... уверенная в себе.

Мэри присела к нему на колени.

— Нет, не такая уж я уверенная. Ты не знаешь. И я рада, что ты не знаешь.

IV

Однажды вечером, когда Гарри читал под лампой газету, Мэри вскочила.

— Я забыла на земле свои садовые ножницы,— сказала она.— Они заржавеют от росы.

Гарри поглядел на нее поверх газеты.

— Принести их тебе?

— Нет, я сама. Ты их не найдешь.

Она вышла в сад, нашла ножницы и из сада стала смотреть через окно в столовую. Гарри все еще читал газету. Комнату всю было видно, как на картинке, как на сцене перед началом пьесы. В камине трепетало пламя. Мэри смотрела, не двигаясь. Вот большое глубокое кресло, в котором она сидела минуту назад. Что бы она делала, если бы не вышла в сад? Если бы в сад вышла ее душа, ее ум и зрение, а Мэри осталась в кресле?.. Вот ее нежное, одухотворенное лицо повернуто в профиль, она задумчиво смотрит на камин.

— О чем она думает? — шептала Мэри. — Что происходит в ее головке? Встанет ли она? Нет, все сидит. Платье слишком открытое, видишь, как оно сползает с плеч. Но это довольно мило. Видна небрежность, но изящная и милая. А теперь она улыбается. Должно быть, думает о чем-то приятном.

Вдруг Мэри пришла в себя и сообразила, что она делает. Она была в восторге. «Я как бы раздваиваюсь, — решила она. — Это все равно, что у тебя две жизни и ты можешь видеть себя со стороны. Это замечательно! Интересно, могу ли я делать это, когда захочу? Я видела то, что видят другие люди, когда смотрят на меня. Надо сказать об этом Гарри». И ей представилась новая картина: она увидела, как объясняет ему, пытается описать то, что случилось; увидела, как он смотрит поверх газеты, у него внимательный, озадаченный, почти страдающий взгляд. Он так старается вникнуть в ее слова. Хочет понять и никак не может. Если она расскажет ему о своем видении, он станет задавать вопросы. Потом будет возвращаться к этой теме и снова и снова, пока, наконец, не убьет всю прелесть ее. Он вовсе не хочет портить ей настроения, когда она рассказывает что-нибудь, но так уж получается у него. Ему нужна ясность, такая полная ясность, что все меркнет. Нет, она не расскажет ему! Она еще раз выйдет сюда и опять все испытает, а если он все испортит, она не сможет этого сделать.

Мэри увидела через окно, как Гарри положил газету на колени и взглянул на дверь. Она торопливо вбежала в дом и показала ему ножницы.

— Смотри, уже появилась ржавчина. К утру они были бы совсем красные и противные.

Он кивнул и улыбнулся ей.

— В газете пишут, что у нас будут неприятности с этим новым законопроектom о ссудах. Боюсь, что нам будут чинить всяческие препятствия. Но должен же кто-то давать ссуды, если люди хотят закладывать имущество.

— Я ничего не понимаю в ссудах,— сказала она.— Кто-то говорил мне, что в твоей фирме заложены почти все автомобили в городе.

Он довольно рассмеялся.

— Ну, не все, а добрая половина. Времена нелегкие — вот и надо делать деньги.

— Это звучит ужасно,— заметила она.— Словно ты нечестно пользуешься тем, что люди попадают в беду.

Он свернул газету и положил ее на стол рядом с креслом.

— Я не думаю, что это нечестно,— сказал он.— Людям нужны деньги, и мы даем их. Закон устанавливает процентную ставку. Все совершается вполне законно.

Она положила свои красивые руки на подлокотники кресла и приняла ту самую позу, какую она видела из сада.

— Наверно, в этом действительно нет ничего нечестного,— сказала она.— Но выглядит это так, будто пользуешься тем, что люди попали в беду.

Гарри долго не спускал с огня задумчивого взгляда. Мэри наблюдала за ним, она знала, что он обеспокоен ее словами. Но ему невредно узнать, что такое его бизнес. Любое дело, которое мы делаем, кажется нам правильным, но совсем иное — когда мы задумываемся над тем, что делаем. Гарри не мешало бы немного умственно проветриться.

Немного погода он взглянул на нее.

— Милая, ты, надеюсь, не думаешь, что наша фирма занимается нечестными делами?

— Ну, я ничего не знаю о ссудном деле. Как же я могу сказать, что оно нечестное?

— Но ты чувствуешь, что оно нечестное? — настаивал Гарри.— Ты стыдишься моего дела? Мне бы не хотелось, чтобы это было так.

Вдруг Мэри стало радостно и легко.

— Я не стыжусь, глупый. Каждый человек имеет право зарабатывать себе на жизнь. Ты делаешь то, что у тебя получается лучше всего.

— Ты уверена в этом?

— Конечно, я уверена, глупый.

Уже лежа в постели в своей отдельной спальне, она услышала слабый щелчок и увидела, как дверная ручка повернулась сначала в одну сторону, потом в другую. Дверь была заперта. Это был условный знак — о некоторых вещах Мэри говорить не любила. Запертая дверь как бы была ответом на вопрос, ясным, быстрым, решительным. Впрочем, у Гарри была особая черта: он всегда молча пробовал, открыта ли дверь. Казалось, он не хотел, чтобы она знала об этом. Но она всегда

знала. Он ласковый и спокойный. Ему, наверно, бывает стыдно, когда, повернув ручку, он убеждается, что дверь заперта.

Мэри погасила свет, и когда ее глаза привыкли к темноте, она выглянула из окна в залитый лунным светом сад. Гарри милый и чуткий. Например, в том случае с собакой. Он прибежал домой, буквально прибежал. Лицо у него было такое красное и взволнованное, что Мэри даже немного испугалась. Она подумала, что случилось несчастье; вечером у нее даже разболелась голова.

Гарри кричал:

— Джо Адамс!.. У него ирландский терьер.. сука ошенилась. Он мне хочет дать одного щенка!.. Чистопородный помет, красный, как клубника!

Ему действительно очень хотелось иметь щенка. Мэри было больно липать его этого удовольствия. Но она быстро отговорила его и была горда этим. Когда она объяснила, что собака будет... гадить на растения в саду или копать в цветочных клумбах, или, что хуже всего, отгонять птиц от бассейна, Гарри сразу ее понял. До Гарри могут не дойти такие сложные вещи, например, как ее видение в саду, но насчет собаки он понял. А вечером, когда у нее разболелась голова, он утешал ее и смачивал одеколоном виски. Проклятое воображение! Но Мэри видела, право же, видела, как наяву: собака бежит по саду, роет ямки, ломает растения! Гарри стало стыдно, хотя он не виноват, что у нее такое воображение. Мэри не могла обвинять его. Почему ему было знать?

V

К вечеру, когда солнце заходило за холм, наступал час, который Мэри называла «садовым часом». Являлась уборщица из соседней школы, помогавшая ей по хозяйству, и принималась хлопотать на кухне. Это было почти священное время. Мэри выходила в сад и направлялась через лужайку к складному стулу, наполовину скрытому за стволом дуба. Отсюда она могла наблюдать, как птицы пьют воду из бассейна. В этот час она действительно чувствовала свой сад. Гарри приходил из конторы, но оставался в доме и читал газету, пока она с сияющими глазами не возвращалась из сада. Она расстраивалась, когда ей мешали...

Лето еще только начиналось. Мэри заглянула в кухню, чтобы убедиться, все ли там в порядке. Потом прошла в столовую, разожгла огонь в камине. Теперь она была готова к выходу в сад. Солнце только что закатилось за холм, дубы стояли в голубоватой вечерней дымке.

«Словно миллионы невидимых эльфов слетаются в мой сад,— подумала Мэри.— Ни одного из них не видно, но их миллионы, и цвет воздуха совершенно меняется». Она улыбнулась этой приятной мысли. Подстриженная лужайка была еще влажной и свежей от поливки. Великолепные цинерарии словно излучали разноцветное сияние. Деревца фуксий тоже были усыпаны цветами. Бутоны были похожи на маленькие красные елочные игрушки, а раскрывшиеся цветы — на балерин в пачках... Они были именно такими, как надо,— абсолютно такими. Они приводили в трепет врага по другую сторону, все эти кустарники и захудалые, неподстриженные деревья.

Мэри пересекла лужайку и села на стул. Она слышала, как собираются птицы, готовясь лететь к бассейну. «Сбиваются в стайки,— думала она,— и слетают в мой сад по вечерам. Как это, должно быть, нравится им! Как бы мне хотелось прийти в сад впервые! И чтобы вместо меня одной было сразу две Мэри... «Добрый вечер, войди в сад, Мэри!» «О, как тут мило!» «Я люблю его, особенно в это время. Ну, тише, Мэри. Не испугай птиц».

Она сидела тихо, как мышка. Она даже раскрыла рот от нетерпения. В кустах подала голос перепелка. На край бассейна села овсянка. Две мухоловки порхнули над водой и повисли в воздухе с трепещущими крылышками. А потом маленькими смешными шажками выбежали перепелки. Они остановились и подняли головки, чтобы убедиться, что им не угрожает никакая опасность. Их вожак, большой перепел с хохолком, похожим на черный вопросительный знак, издал звук, похожий на сигнал трубы «отбой», и вся стайка отправилась пить.

А потом случилось самое удивительное. Из кустов выбежала... белая перепелка! У Мэри по спине побежали морозные иголочки. Да, это была, без сомнения, перепелка, и белая, как снег. О, это было удивительно! Радость наполнила грудь Мэри. Она затаила дыхание. Изящная, маленькая белая перепелка направилась к другой стороне бассейна, не смешиваясь с обыкновенными перепелками. Она остановилась, оглянулась и опустила клювик в воду.

«Она похожа на меня,— пронеслось в голове у Мэри.— Она похожа на меня!» Тело ее дрожало от иступленного восторга. «Она — моя сущность, символ высшей чистоты! Наверно, она королева перепелок. В ней воплощено все хорошее, что когда-либо встречалось в моей жизни!»

Белая перепелка снова опустила клювик в воду, потом закинула головку назад.

На Мэри нахлынули воспоминания, они теснили грудь. Ка-

кая-то грусть, всегда эта грусть! Вспомнились посылки, приходившие в детстве; Мэри иступленно развязывала их. Но внутри всегда оказывалось не то...

Восхитительные конфеты из Италии. «Не ешь их, деточка. На вид они хороши, но на вкус...» Мэри так и не отведала их, но глядела на них так же восторженно, как глядит сейчас на свой сад.

«Какая милая девочка — Мэри! Она, как горечавка, и такая спокойная!..» Она слушала это с таким же восторгом.

«Мэри, милая, будь мужественна. Твой отец... скончался». Первое время она переживала свою потерю с таким же иступлением.

Белая перепелка распустила крыло и стала чистить клювом перышки. «Это я, в которой все было прекрасно. Это моя суть, мое сердце».

VI

В саду синий воздух стал фиолетовым. Бутоны фуксий горели, как маленькие свечи. И вдруг из кустарника появилась серая тень. Мэри замерла, открыв рот, парализованная страхом. Из кустов, как смерть, выползла серая кошка и стала красться к бассейну и пьющим птицам. Мэри в ужасе глядела на нее. Рука ее поднялась к сдавленному горлу. Потом Мэри стряхнула с себя оцепенение и дико закричала. Перепелка, затрепав крыльями, улетела. Кошка бросилась назад в кусты. А Мэри все кричала и кричала. Из дома выбежал Гарри.

— Мэри! Что с тобой, Мэри?

Она вздрогнула, когда он прикоснулся к ней, и истерически зарыдала. Он взял ее на руки и отнес в дом, в ее отдельную спальню. Она не могла унять дрожь даже в постели.

— Что случилось, милая? Что тебя испугало?

— Кошка,— рыдала она.— Она подкрадывалась к птицам.— Мэри села, глаза ее лихорадочно блеснули.— Гарри, ты должен подсыпать ей яду! Сегодня же ты должен подбросить этой кошке приманку с ядом.

— Ложись, милая. Ты просто перепугана.

— Обещай мне отравить кошку.— Она посмотрела на него в упор и увидела, как в его глазах загорается упрямый, бунтарский огонек.

— Обещай.

— Милая,— взмолился он,— какая-нибудь собака может съесть приманку. Животные ужасно мучаются, если их отравить.

— Мне все равно! — закричала она. — Я не желаю никаких животных в моем саду, никаких!

— Нет, — сказал он, — я не сделаю этого. Я не могу этого сделать. Но я встану рано утром. Я возьму новое духовое ружье и выстрелю в кошку, чтобы она никогда больше не возвращалась. Духовые ружья стреляют метко. Я так ее угощу, что она не забудет.

Впервые он отказался выполнить ее просьбу. Она не знала, как ей быть. У нее ужасно болела голова. Когда голова совсем разболелась, он, как бы извиняясь за то, что отказался травить животных, положил ей на лоб мокрое полотенце и стал тихо гладить по голове. Она думала, рассказать ли Гарри о белой перепелке. Он не поверит! Но, может быть, если он узнает, как это важно для нее, он все-таки отравит кошку? Она подождала, пока успокоятся нервы, и сказала ему:

— Дорогой, в саду есть белая перепелка.

— Белая перепелка? А ты уверена, что это не голубь?

Вот оно! С самого начала он испортил все.

— Я знаю, какие бывают перепелки! — закричала Мэри. — Она была совсем близко от меня. Белая перепелка.

— Надо будет посмотреть, — сказал он. — Никогда не слышал ничего подобного.

— Но я говорю тебе, что я видела!

Он снова смочил полотенце и приложил к ее лбу.

— Тогда, наверное, это был альбинос. Без пигмента в перьях или что-нибудь вроде этого.

С ней снова начиналась истерика.

— Ты не понимаешь. Эта белая перепелка была я, мое второе я, которого никто еще не видел, мое тайное, внутреннее я. Гарри наморщил лоб, силясь понять ее.

— Неужели ты не понимаешь, милый? Это за мной охотится кошка. Она хочет убить меня. Вот почему надо отравить ее.

Она пристально вглядывалась в его лицо. Нет, он не понимает. Он не способен понять. Зачем она сказала ему? Если бы она не была так расстроена, она ни за что не сделала бы этого.

— Я заведу будильник, — заверил ее Гарри. — Завтра утром я проучу эту кошку.

В десять часов он оставил ее одну. Когда он вышел, Мэри встала и заперла дверь.

Утром Мэри разбудил звонок его будильника. В комнате было еще темно, но в окне уже серело утро. Она услышала, как тихо одевается Гарри. Он прошел на цыпочках мимо ее двери и вышел из дому, бесшумно прикрыв дверь, чтобы не разбудить ее. В руке он нес новенькое блестящее духовое ружье.

Утренний воздух был свежим и бодрящим, Гарри легко зашагал по сырой лужайке. Дойдя до дальнего угла сада, он лег на мокрую траву.

Сад просыпался. Уже отчетливо слышалась перекличка птиц. Маленькая стайка коричневых перепелок вышла из кустов, они подняли головки, прислушиваясь. Перепел-вожак протрубил «все спокойно», и его подопечные быстрыми шажками побежали к бассейну. Через мгновение появилась белая перепелка. Она побежала к противоположной стороне бассейна, окунула в воду клювик и задрала головку. Гарри поднял ружье. Белая перепелка склонила головку и посмотрела на него. Духовое ружье зловеще щелкнуло. Перепелки улетели в кусты. Но белая перепелка упала, подергалась и замерла на лужайке.

Гарри медленно подошел к ней и поднял. «Я не хотел убивать ее», — сказал он себе. — Я просто хотел отпугнуть ее». Он смотрел на белую птицу, лежавшую на его ладони. Прямо в голову, прямо под глаз попала дробинка. Гарри подошел к фуксиям и зашвырнул перепелку в кусты. Но потом, отложив ружье, он стал продираться сквозь заросли. Он нашел белую перепелку, отнес ее на вершину холма и зарыл в куче листьев.

Мэри услышала, когда он проходил мимо ее двери.

— Гарри, ты подстрелил кошку?

— Она уже никогда не вернется, — сказал он, не открывая двери.

— Я надеюсь, что ты убил ее, и не хочу слышать подробностей.

Гарри вошел в столовую и сел в большое кресло. В комнате было еще сумеречно, но через большое окно был виден освещенный сад, верхушки дубов горели в первых лучах солнца.

— Какой же я подлец! — проговорил Гарри. — Какой подлец! Убить существо, которое она так любила...

Он опустил голову и взглянул на дверь.

— Я одинок, — сказал он. — Господи, как я одинок!

СОДЕРЖАНИЕ

Старший и младший	3
Виджилянт	13
Уши Джонни Медведя	19
Белая перепелка	36

Джон Стейнбен

УШИ ДЖОННИ МЕДВЕДЯ

Редактор — П. КРАВЧЕНКО.

А 00047. Подписано к печати 11/III 1963 г. Тираж 109 500. Изд. № 527.

Зак. 234. Форм. бум. 70×108¹/₃₂. 0,75 бум. л.—2,05 печ. л. Цена 6 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24